

В. А. Томсинов

**Андрей Януарьевич Вышинский
(1883 – 1954):**

государственный деятель и правовед

Часть 13.

Процесс Бухарина (2 – 13 марта 1938 г.)

Опубликовано:

Журнал «Законодательство».

2021. № 8. С. 87-94. № 9. С. 87-94. № 10. С. 87-94. № 11. С. 87-94.

1

Вышинский вел допрос Бухарина в зале суда предельно агрессивно, стремясь выставить его человеком, который ради захвата государственной власти стал на путь совершения самых тяжких преступлений — измены родине, подготовки государственного переворота, организации диверсий и убийства руководителей Советского государства. Бухарин же, признавая преступный характер деятельности право-троцкистского блока, пытался свести свое участие в ней лишь к роли идеолога. К этой уловке он прибегал еще в своих показаниях на предварительном следствии. В зале суда, соглашаясь с утверждением государственного обвинителя о том, что готовившиеся блоком вредительские и диверсионные акты были ориентированы «на ослабление, на подрыв обороноспособности» Советского государства, вождь правой оппозиции заявил: «В силу разделения труда и определенных своих функций, которые вам известны, я, главным образом, занимался проблематикой общего руководства и идеологической стороной, что, конечно, не исключало ни моей осведомленности относительно практической стороны дела, ни принятия целого ряда с моей стороны практических шагов»¹. Такая позиция позволяла Бухарину представить почти все преступления, в которых он обвинялся, не проявлением личных корыстных побуждений, а результатом постепенно сформировавшихся в нем идеологических заблуждений. В своих показаниях на открытом судебном процессе Николай Иванович старался убедить всех в том, что он и его сторонники превратились в «ожесточенных контрреволюционеров, в изменников социалистической родины», стали шпионами, террористами, реставраторами капитализма не потому, что для достижения своих целей были готовы совершить любые и самые тяжкие уголовные преступления, а по причине **ошибочной оценки** с их стороны проводившейся сталинским руководством ВКП (б) политики коллективизации и ускоренной индустриализации. Именно поэтому Бухарин настойчиво добивался в суде разрешения объяснить подоплеку

¹ Судебный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского блока», рассмотренному Военной коллегией Верховного суда Союза ССР 2-13 марта 1938 г. Полный текст стенографического отчета. М., 1938. С. 333. В неправленном варианте стенограммы судебного процесса приведенное показание Бухарина завершалось замечанием о том, что он «в блок этот не входил».

своей преступной деятельности. Когда же председательствующий и государственный обвинитель разрешили ему это сделать, он предупредил, что хотел бы вначале остановиться на идейных установках, но не в том смысле, чтобы отклонить ответственность за практическую преступную, контрреволюционную деятельность. «Я был не стрелочником контрреволюции, — заметил он, — а одним из лидеров контрреволюции и как один из лидеров отвечаю в гораздо большей степени, несу гораздо большую ответственность, чем это относится к любому из стрелочников. Так что меня нельзя заподозрить, что я хочу улизнуть или отмахнуться от ответственности, хотя бы даже не был участником право-троцкистской организации»².

Последовавшие за этим слова Бухарина были явно предназначены не только для судей и государственного обвинителя, но также для советского общества и общественности иностранных держав. Высказав мнение, что «этот процесс имеет общественное значение», Николай Иванович пояснил: «Суд и общественное мнение нашей страны, как и общественное мнение других стран, поскольку речь идет о прогрессивном человечестве, смогут судить, как люди дошли до такой степени, как мы все превратились в ожесточенных контрреволюционеров, в изменников социа-листической родине, как мы превратились в шпионов, террористов, реставраторов капитализма и какие, в конце концов, идеи, политические установки “право-троцкистского блока”»³. Казалось, далее Бухарин будет только сожалеть и каяться. Но он предпринял попытку оправдаться за себя и за всю правую оппозицию, причем весьма необычным образом. «Мы пошли на предательство, преступление, измену, — сказал он. — Но во имя чего мы пошли на это дело? Мы превратились в повстанческий отряд, организовывали террористические группы, занимались вредительством, хотели опрокинуть столь доблестное руководство Сталина, Советскую власть пролетариата. Один из весьма распространенных ответов, — что логика борьбы нас заставила быть контрреволюционерами, заговорщиками, предателями, что она нас привела к такому позору, к такому преступлению, в результате которых мы находимся на скамье подсудимых»⁴.

² Там же. С. 339.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 339–340.

Бухарин был чрезвычайно взволнован и говорил путано, однако суть аргументов, выдвинутых для оправдания преступных действий правых, он выразил вполне ясно. Бывший большевистский вождь отверг мнение о том, что правые пошли на преступления, непосредственно подчиняясь логике политической борьбы, то есть желая добиться отстранения сталинской группировки от власти несмотря ни на что, жертвуя ради личной победы даже интересами родной страны. Он связал формирование правого уклона в большевистской партии с нарастанием в ее среде недовольства способами проведения коллективизации и индустриализации, повлекшими чрезвычайные бедствия для народных масс. «Правые контрреволюционеры, — сказал он, — были, как будто, на первое время “уклоном”, как будто, на первый взгляд, такие, которые начинали с недовольства в связи с коллективизацией, с недовольства в связи с индустриализацией, что, якобы, индустриализация губит производство. Это было, на первый взгляд, основное»⁵.

Бухарин утверждал, что логика политической борьбы привела правых не к преступлениям, а сначала к идеологическому их перерождению: «Когда все государственные машины, все средства, все лучшие силы были брошены на индустриализацию страны, на коллективизацию, мы очутились, буквально в 24 часа, на другой стороне, мы очутились с кулаками, с контрреволюционерами, мы тогда очутились с капиталистическими остатками, которые тогда еще существовали в области товарооборота. Отсюда и вытекает основной смысл, оценка, с точки зрения субъективной, ясна. Тут получился у нас очень интересный процесс переоценки индивидуального хозяйства, переползание в его идеализацию, в идеализацию собственника. Такова была эволюция»⁶.

Все, что правым вменялось в качестве уголовных преступлений, Бухарин попытался представить следствием их теоретических ошибок, результатом идеологических заблуждений. «В 1917 году — сообщил он, — никому бы из членов партии, в том числе и мне, не пришло бы в голову жалеть каких-нибудь убиенных белогвардейцев, а в период ликвидации кулачества, в 1929–1930 году, мы жалели раскулаченных из так называемых гуманитарных соображений. Кому бы из нас пришло в голову вменить разруху в области нашей экономики в 1919 году, вменить эту разруху

⁵ Там же. С. 340.

⁶ Там же.

большевикам, а не саботажу? Никому. Это просто звучало бы совершенно открыто, как измена. А ведь уже в 1928 году я сам дал формулу относительно военно-феодальной эксплуатации крестьянства, то есть вменял издержки классовой борьбы не классу, враждебному по отношению к пролетариату, а именно руководству самого пролетариата. Это же – поворот уже на 180 градусов. Это значит, здесь идейно-политические установки переросли в установки контрреволюционные. Кулацкое хозяйство и его интересы стали фактически программным пунктом. Логика борьбы привела к логике идей и к перемене нашей психологии, к контрреволюционизированию наших целей»⁷.

При этом Бухарин утверждал, что правые всегда ориентировались в своих идеологических установках и действиях, в том числе ошибочных и преступных, на интересы народа. Говоря о том, как он и его сторонники относились к проводившейся руководством ВКП (б) политике индустриализации, Николай Иванович рисовал следующую картину: «Сперва был у нас крик против переиндустриализации, чрезмерной бюджетной напряженности и так далее. А по сути дела это было программное требование, был идеал кулацко-аграрной страны с индустриальным привеском. А психологически? А психологически мы в свое время проповедовали социалистический индустриализм, стали с пожиманием плеч, с иронией, а потом и с озлоблением, в основном, смотреть на наши громадные, гигантски растущие заводы, как на какие-то прожорливые чудовища, которые все пожирают, отнимают средства потребления от широких масс, и что они представляют собой известную опасность»⁸.

До этих слов ни председательствующий, ни государственный обвинитель не останавливали Бухарина, не мешали ему говорить. Но как только вождь правых заговорил об опасности гигантски растущих заводов для населения страны, В.В. Ульрих прервал его, заявив: «Подсудимый Бухарин, вы опять не поняли. Вы имеете не последнее слово сейчас. Вам было предложено дать показания о вашей антисоветской контрреволюционной деятельности, а вы читаете лекцию. В последнем слове вы можете говорить, что угодно. Третий раз я разъясняю вам»⁹. Бухарин обратился с просьбой разрешить ему говорить очень кратко. Вышинский ответил

⁷ Там же. С. 340–341.

⁸ Там же. С. 341.

⁹ Там же.

рекомендацией: «Вы скажите, как практически это облекалось у вас в антисоветскую деятельность». Бухарин согласился перейти к изложению своей «контрреволюционной практической деятельности», но попросил позволить ему сначала перечислить некоторые программные пункты. Председательствующий разрешил, но призвал подсудимого говорить короче, напомнив ему, что у него еще будет возможность сказать речь в качестве собственного защитника. «Это у меня не моя защита, — заметил Бухарин, — это у меня самообвинение. Я ни одного слова в свою защиту не сказал».

Свою программную установку в отношении экономики вождь правых выразил следующей фразой: «Государственный капитализм, хозяйственный мужик-индивидуал, сокращение колхозов, иностранные концессии, уступка монополии внешней торговли и результат — капитализация страны»¹⁰. Свою же политическую программу он коротко описал словами: «Это сползание к буржуазно-демократической свободе, к коалиции, потому что из блока с меньшевиками, эсерами и прочими вытекает свобода партий... Сползание не только на рельсы буржуазно-демократической свободы, но, в политическом смысле — на рельсы, где есть несомненно элементы цезаризма»¹¹.

«Говорите, просто фашизма», — отреагировал на это признание Вышинский. Бухарин согласился: «Если в кругах “право-троцкистского блока” была идейная ориентация на кулачество и в то же самое время ориентация на дворцовый и государственный переворот, на военный заговор, на преторианскую гвардию контрреволюционеров, то это и есть ничто иное как элементы фашизма. Если действуют в области экономики те моменты государственного капитализма, о которых я говорил...». Вышинский не дал договорить: «Коротко говоря, вы скатились к прямому оголтелому фашизму». «Да, это правильно, — снова согласился Бухарин, — хотя мы и не ставили всех точек над “и”. Вот формулировка, характеризующая нас как заговорщиков, реставраторов капитализма, верная со всех точек зрения. И совершенно естественно, это сопровождалось вырождением и перерождением всей идеологии, всей нашей практики и методики борьбы»¹².

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 342.

¹² Там же.

Перейдя к изложению своей контрреволюционной деятельности, Бухарин прежде всего отметил, что основания для нее были заложены еще к 1919–1920 году, когда им начала сколачиваться из учеников Свердловского университета определенная группа, «которая очень быстро стала перерастать во фракцию». Далее Бухарин рассказал, как в 1928–1929 гг. сформировалась правая оппозиция во главе с ним, Рыковым и Томским и какую помощь оказывал правым Г.Г. Ягода, занимавший в то время пост первого заместителя председателя ОГПУ при СНК СССР.

По свидетельству Бухарина, «примерно к осени 1932 года начинается следующий этап в развитии правой организации, а именно: переход к тактике насильственного ниспровержения Советской власти»¹³. Руководителями правых предполагалось, что это произойдет посредством так называемого «дворцового переворота», осуществленного узкой группой лиц, приближенных к Сталину.

Во время допроса на вечернем судебном заседании 5 марта 1938 года Бухарин успел лишь сообщить, что мысль о совершении такого переворота была впервые высказана Томским, связанным с Енукидзе, в распоряжении которого «тогда сосредотачивалась охрана Кремля»¹⁴. Более подробно об этом заговорщическом замысле Николай Иванович рассказал в начале следующего допроса, проходившего на утреннем заседании Военной коллегии Верховного суда СССР 7 марта 1938 года. Этот эпизод судебного процесса по делу право-троцкистского блока представляет особый интерес прежде всего потому, что дает материал для оценки степени достоверности обвинений, выдвинутых против Бухарина и его сторонников.

Бухарин был весьма словоохотлив, когда рассказывал о собственных идеологических взглядах, но давая показания о подготовке руководством правых в начале 1930-х годов государственного переворота с помощью секретаря ЦИК СССР А.С. Енукидзе, он оказался предельно скуп на слова. Вышинскому пришлось буквально вытягивать из него сведения о конкретных действиях по подготовке заговора.

«Это была идея узкого государственного переворота, вернее, дворцового переворота, — сообщил Бухарин на допросе в зале суда, — она впервые была высказана Томским, в связи с тем обстоятельством, что у Енукидзе, который был лично связан с Томским и часто с ним общался, в

¹³ Там же. С. 347.

¹⁴ Там же. С. 349.

это время была сосредоточена в его руках охрана Кремля, и в то же самое время можно было говорить об использовании служебного положения Рыковым, который был председателем Совнаркома, и в связи с этим имелся целый ряд легальных возможностей и прикрытий, которые облегчали всячески конспиративные преступные действия и поэтому могли служить известным условием, в котором мыслился этот дворцовый переворот»¹⁵.

Вождь правых умолчал о том, какие конкретно действия намеревались предпринять заговорщики, чтобы отстранить сталинскую группировку от власти, хотя Вышинский неоднократно предлагал ему рассказать об этом. «Скажите конкретно, как вы готовили захват власти, с помощью кого, какими средствами, во имя каких задач и целей?» — спросил государственный обвинитель у подсудимого. Бухарин же вместо ответа сказал: «Так как мы не пошли на дворцовый переворот по причинам, о которых здесь неинтересно слушать, перешли к ориентации на кулацкие восстания...»¹⁶. «Что означает выражение “дворцовый переворот”»? — продолжал допытываться Вышинский. — Идет речь о прямом захвате власти, о захвате власти силами вашего блока. Так я понимаю?». «Совершенно верно, политически — силами блока», — ответил Бухарин, пояснив, что о “дворцовом перевороте” он говорит потому, что осуществить его предполагалось «силами, которые организационно сосредоточены в Кремле»¹⁷. «Тогда не лучше ли говорить не о “дворцовом перевороте”, а о попытке захвата власти путем вооруженного восстания?» — предположил Вышинский. «Нет, — ответил Бухарин, — вооруженное восстание сказать не совсем правильно». «Как же так? С оружием в руках хотели захватить?» — удивился Вышинский. «Вооруженное восстание есть массовая вещь, а здесь дело идет о более узком...», — начал говорить Бухарин, но Вышинский его прервал: «Какие массы, у вас не было никаких масс». «Говоря о “дворцовом перевороте”, я имел в виду...», — стал пояснять Бухарин, однако Вышинский снова прервал его — на этот раз подсказкой: «Группу заговорщиков?». «Совершенно верно», — согласился Бухарин. «Я полагаю, что так лучше и говорить, — констатировал Вышинский и снова попросил подсудимого рассказать о подробностях подготовки заговора, задав вполне логичный вопрос: «Скажите, как вы готовили группу заговорщиков к захвату

¹⁵ Там же. С. 352.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

власти?». «Это уже относится к следующему периоду», — сказал в ответ Бухарин и спросил: «Может быть вы разрешите рассказывать в хронологическом порядке, как у меня расположен материал, — сначала о дворцовом перевороте, затем переходе к восстанию, от восстания к собственно государственному перевороту»¹⁸. Но Вышинский потребовал от него рассказать подробности подготовки заговора. «Скажите, — снова спросил он Бухарина, — какова была основная задача группы заговорщиков в этой области?» «Даже в этот период главной задачей было свержение Советского правительства насильственным путем», — ответил Бухарин. Вышинского столь общий ответ явно не удовлетворил. «Вот вы и скажите, как готовились к свержению Советского правительства насильственным путем», — предложил он Бухарину. «В этот период мы уже обсуждали вопрос о свержении Советского правительства насильственным путем, с помощью группы военных участников заговора», — ответил Бухарин. «В лице Тухачевского, Примакова и некоторых других?» — подсказал Вышинский. «Там была еще группа Енукидзе», — добавил Бухарин и объяснил, почему правые в конце концов отказались от участия в подготовленном этой группой «дворцового переворота». «К 1931–1932 годам, — сказал он, — в связи с изменением политической конъюнктуры упор был поставлен на развитие повстанческого движения, и контрреволюционной правой организацией, во главе с правым центром, было спровоцировано несколько кулацких восстаний»¹⁹. После этого к теме готовившегося в начале 1930-х годов «дворцового переворота» ни Бухарин, ни Вышинский больше не обращались. Государственному обвинителю так и не удалось побудить вождя правых раскрыть детали подготовки и плана осуществления этого заговора.

Сообщенные Бухариным во время допроса в зале суда сведения о плане устранения сталинской группировки от власти путем так называемого «дворцового переворота» носят слишком общий характер. В связи с этим при чтении стенограммы судебного процесса может возникнуть впечатление, что данная тема была просто придумана следователями или прокурором СССР с целью создания дополнительных поводов для обвинения идеолога и вождя правой оппозиции в совершении тяжких преступлений. Однако настойчивость, с которой Вышинский добивался от

¹⁸ Там же. С. 353.

¹⁹ Там же. С. 353–354.

Бухарина подробностей плана «дворцового переворота», дает некоторое основание считать, что такой план действительно существовал. Очевидно, что истинную оценку достоверности показаний подсудимого в данном случае невозможно дать лишь на материале отразившей их стенографической записи. Для этого необходимо обратиться к целому ряду других документов и прежде всего к протоколам допросов бывшего секретаря ЦИК СССР, которому было предназначено сыграть едва ли не самую главную роль в намечавшемся руководителями правой оппозиции «дворцовом перевороте».

27 апреля 1937 года на допросе в Главном управлении государственной безопасности НКВД СССР А.С. Енукидзе заявил: «Я знал о том, что с 1932 года осуществился блок между подпольной организацией правых и троцкистско-зиновьевской организацией; знал, что блок этих организаций подготавливает совершение террористических актов над руководителями ВКП(б), я был связан с некоторыми руководителями блока и вел работу по подготовке вооруженного переворота в Кремле, но формально ни в состав центра блока, ни в состав этих организаций я не входил. Впервые о моем участии в этой нелегальной работе со мной говорил М. ТОМСКИЙ в 1930 г. от имени центра правых, а впоследствии от имени блока... Мое пребывание на посту секретаря ЦИКа, сосредоточение в моих руках руководства охраной Кремля, толкало сначала представителей центра организации правых, а затем — блока перечисленных мною контрреволюционных организаций на сближение со мной, с целью привлечь и меня к их контрреволюционной деятельности»²⁰.

Рассказывая о встречах с вождями правой оппозиции, Енукидзе сообщил, что наиболее частыми они были в 1930–1931 годах. М.П. Томский являлся его соседом по дому, а с А.И. Рыковым, пока тот находился на посту Председателя Совнаркома, они часто встречались и по чисто деловым вопросам в его служебном кабинете, значительно меньше ему доводилось в указанный период общаться с Н.И. Бухариным.

Енукидзе раскрыл те подробности возникновения замысла «дворцового переворота» и плана его осуществления, о которых умолчал Бухарин. По его свидетельству, идею смещения Сталина путем «дворцового перево-

²⁰ Протокол допроса А.С. Енукидзе от 27 апреля 1937 г. // Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М., 2004. С. 144–145.

рота» выдвинул Томский. Он предложил воспользоваться массовым недовольством сельского населения проводившейся руководством ВКП (б) политикой коллективизации. Томский считал, что это недовольство деревенской части населения выльется в массовое повстанческое движение, которое не может не повлиять на Красную Армию и часть рабочего класса, связанную с деревней. Государственный переворот получит в этих условиях необходимую поддержку со стороны народных масс.

Общая схема переворота была продумана еще в 1931 году. Енукидзе рассказал следователям, что, обсуждая в дальнейшем план его осуществления, заговорщики пришли к заключению, что наиболее реальным и выполнимым является «арест руководителей ВКП(б) и советского правительства либо на каком-нибудь узком совещании в Кремле, либо ночью на их квартирах. В случае принятия варианта ареста на квартирах решено было арестовать следующих лиц: СТАЛИНА, МОЛОТОВА, КАГАНОВИЧА, ВОРОШИЛОВА, ОРДЖОНИКИДЗЕ»²¹. Здесь Енукидзе добавил собственное мнение: «Само собой разумеется, что только арестом дело не ограничилось бы, судьба арестованных была бы решена в зависимости от исхода переворота»²².

Согласно показаниям бывшего секретаря ЦИК СССР, заговорщики сошлись во мнении, что при любом варианте ареста Сталина и его сторонников «необходимо было обеспечить, с одной стороны, выключение телефонной связи Кремля с городом и, с другой, возможность для организаторов переворота в необходимый момент связаться по телефону с нужными им пунктами»²³.

Заговорщики предусмотрели действия и на тот случай, если им не удастся произвести аресты без шума. «Для нас было ясно, — рассказал Енукидзе, — что необходимо выбрать узкое заседание, на котором было бы немного присутствующих и, вместе с тем, были бы налицо вышеперечисленные руководители ВКП(б) и советского правительства. Такие заседания нередко происходили в кабинете СТАЛИНА. Основные трудности, которые мы видели при выполнении этого плана, были следующие, во-первых, заседания обычно происходили в дневное время, т.е. когда в Кремле большое движение. Это означало, что если не удастся

²¹ Там же. С. 154.

²² Там же.

²³ Там же.

без шума арестовать всех присутствующих на заседании, то о происшедшем в Кремле станет немедленно известно и вне его. Во-вторых, мы не исключали, что у подлежащих аресту может оказаться при себе оружие, и понимали, что эти люди не такие, чтобы сдаваться при любом положении. Это означало, что может начаться перестрелка, которая привлекла бы внимание наружной охраны. Если она не будет состоять из завербованных людей, то будет немедленно стремиться прорваться внутрь для того, чтобы помешать нашим действиям. При обсуждении второго варианта (арест ночью на квартирах) мы приходили к выводу, что он более легко выполним, исходя из следующих соображений: доступ в квартиры вышеперечисленных руководителей, подлежащих аресту, был сравнительно свободным; часть вышеперечисленных лиц жила в общих жилых домах и ночью специальной охраны там не было.

Что касается квартиры СТАЛИНА, то в нее было труднее несколько пройти ночью, ибо вдоль здания в сквере ходила ночная охрана, но и это особых препятствий не представляло»²⁴.

В отличие от Бухарина, утаившего на допросе подробности «дворцового переворота», которые ему скорей всего были хорошо известны, Енукидзе раскрыл не только порядок ареста в Кремле руководителей ВКП(б) и советского правительства, но и план дальнейших действий заговорщиков. Согласно его показаниям, «при удачном проведении арестов СТАЛИНА, МОЛОТОВА, КАГАНОВИЧА, ВОРОШИЛОВА и ОРДЖОНИКИДЗЕ намечалось выпустить по Советскому Союзу правительственное сообщение, в котором извещалось бы, что старое руководство партии своей неправильной политикой себя скомпрометировало и тем самым вызвало недовольство во всей стране, что, в связи с этим, оно сейчас отстранено от руководства страной и что новый состав правительства примет все меры к тому, чтобы улучшить положение в стране»²⁵.

Тема «дворцового переворота» не случайно стала одной из основных тем допроса Бухарина, который проводил в рамках судебного процесса по делу антисоветского право-троцкистского блока прокурор СССР А.Я. Вышинский. Обстоятельства подготовки этого заговора и детали плана его осуществления показывали со всей очевидностью, какую угрозу несла в

²⁴ Там же. С. 154–155.

²⁵ Там же. С. 155.

себе правая оппозиция и в чем заключалась настоящая опасность ее идеолога и руководителя Н.И. Бухарина для Советского государства.

Эту угрозу и опасность хорошо осознавал Г.Е. Зиновьев. Пребывая в заключении в 1935–1936 годах, бывший большевистский вождь, ближайший соратник В.И. Ленина, написал трактат в двух частях под названием «Заслуженный приговор. История бывшей “зиновьевской” оппозиции — ее ошибок, ее преступлений». Его текст неопубликован и хранится в фонде ЦК КПСС Российского государственного архива социально-политической истории. Последний параграф восьмой главы данного произведения Зиновьев назвал «Недозревший заговор 1932 года»²⁶. Он посвятил его «дворцовому перевороту», посредством которого руководители правых Бухарин, Томский, Рыков и примкнувший к ним секретарь ЦИК СССР А.С. Енукидзе намеревались отстранить от власти сталинскую группировку.

1932 год был временем, когда в Советском Союзе шел насильственный и потому вызывавший огромное недовольство среди народных масс процесс коллективизации сельского хозяйства. Одновременно руководством ВКП (б) проводилась ускоренная индустриализация, также сопряженная с лишениями и трудностями для населения. «Страна была вся в стройке, — отмечал Зиновьев в упомянутом трактате. — Ряд важнейших гигантов первой пятилетки входил в 1932–1933 году в строй, но не был еще закончен совсем. Вложения капиталов в них были уже громадны, но продукции они еще не давали или только начинали давать. Неудовлетворительные урожаи, особенно на Украине, сильно обострили продовольственное положение. Хлеба в городах не хватало. Колхозное строительство еще не упрочилось. В нескольких важных областях Союза оно еще переживало острую неурядицу, проходя через критический период. Недовольство деревни докатывалось, как это всегда у нас бывало, и до некоторых слоев рабочих в городах»²⁷.

В этих условиях оппозиционные группы, не помышлявшие ранее о захвате власти, превратились в орудия ожесточенной политической борьбы. По словам Зиновьева, «настроения недовольства в поколебавшейся части мелкой буржуазии и в некоторых группах рабочих, элементы неустойки и сомнений в некоей прослойке около партии и внутри ее

²⁶ Зиновьев Г.Е. Заслуженный приговор. История бывшей “зиновьевской” оппозиции — ее ошибок, ее преступлений. Часть 2 // РГАСПИ. Ф.17. Оп. 171. Д. 426. Л. 203–219.

²⁷ Там же. Л. 206.

тогдашних рядов послужили для правых и левых оппозиционных групп чем-то вроде кислорода для агонизирующего больного. Раз налицо новые трудности — значит налицо возможность новых оппозиционных подвохов против партии! Эту истину наглядно подтвердили всем своим поведением оппозиционные группы в 1932 году»²⁸.

Под «оппозиционными подвохами» Зиновьев подразумевал полное забвение оппозиционными группировками всяких правил, каких-либо ограничений в политической борьбе, их решимость пойти на любые шаги для достижения своих целей. Возникшую в то время ситуацию он описал образно и откровенно: «Во всем оппозиционном подполье шла мышьяная беготня. Правые бегали к левым и — обратно. И все с пеной у рта, со злобой, которая не знала границ, клеветали на Сталина. — Он не повернет назад! Он не свернет с той “губительной” дороги, на которую встал! Его не убедишь ничем, его не проймешь никакими доводами, он дойдет по своей “безумной” дороге до самого, самого конца и свалит воз в канаву! Можно ли молчать? Нет, надо идти на “все”!»²⁹.

Зиновьев объяснил и довольно убедительно то, что не смог скольконибудь внятно объяснить Бухарин: почему вожди правых, подготовив государственный переворот, не решились его осуществить? Главной причиной стали, по его мнению, специфические умонастроения вождей правой оппозиции. «Их руководящее ядро, — указал Зиновьев, — было совершенно убеждено, что обстановка 1932 года целиком подтвердила их прогнозы, подтвердила их правоту против ЦК. Они были абсолютно уверены, что с каждым месяцем обстановка в стране будет ухудшаться и их “правота” против СТАЛИНА будет неопровержимо вырисовываться перед всем народом. Они пылали злобой и злорадством — больше, чем когда-либо до сих пор, и заражали этими настроениями весь свой актив. Но они в то же время расходились со своими более “нетерпеливыми”, более “молодыми” элементами в вопросе о том, можно ли, нужно ли выступить против ЦК сейчас, сию минуту. Они были более осторожны. Они были более искушены. Они искали такого момента, когда “выступление” будет почти беспроягршно. Они предостерегали против риска выступить “слишком рано”»³⁰. И в результате пропустили самый удачный момент для

²⁸ Там же. Л. 208.

²⁹ Там же. Л. 213.

³⁰ Там же. Л. 208–209.

осуществления государственного переворота, когда риск потерпеть неудачу и превратиться в простых мятежников был наименьшим.

* * *

В книге Роя Медведева «О Сталине и сталинизме» в параграфе под названием «Судебный процесс по делу “антисоветского правотроцкистского³¹ блока”» утверждается, что Бухарин перед расстрелом написал для Сталина короткое предсмертное письмо с риторическим вопросом: «Коба, зачем тебе была нужна моя смерть?». Данный факт повторяется во многих книгах и статьях, посвященных теме «сталинских репрессий», однако никакими документами он не подтвержден и очень похож на легенду-выдумку, предназначенную выставить Бухарина жертвой патологического убийцы.

Бухарин не мог написать письмо с таким вопросом — он хорошо знал, почему надлежало ему умереть...

2

В последнем письме к Сталину, написанном 10 декабря 1937 года, Бухарин клялся, что невиновен в тех преступлениях, в которых признавался на следствии, и называл свои признательные показания вынужденными. «Мне не было никакого “выхода”, — уверял он Иосифа Виссарионовича, — кроме как подтвердить обвинения и показания других и развивать их: ибо иначе выходило бы, что я “не разоружаюсь”»³². В действительности Николай Иванович вынужден был соглашаться с выдвинутыми против него обвинения прежде всего потому, что они опирались на факты и свидетельства многих людей, знавших о его настроениях и оппозиционной деятельности. При допросе Бухарина в зале суда Вышинский часто обращался к показаниям его соратников — особенно в тех случаях, когда подсудимый не признавался в совершении каких-либо неблагоприятных поступков или давал расплывчатые, неопределенные ответы.

³¹ К сожалению, в литературе, посвященной данному судебному процессу, слова “правотроцкистский» пишутся как одно слово — правотроцкистский. Это явная и грубейшая ошибка. Термин «право-троцкистский» обозначает в данном случае не правое крыло троцкистской организации, а блок двух оппозиционных организаций: с одной стороны, правых, с другой стороны — троцкистов. Поэтому правильно писать в данном случае два слова через дефис, т.е. как право-троцкистский.

³² Письмо Н.И. Бухарина И.В. Сталину. 10 декабря 1937 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 427. Л. 14.

На утреннем судебном заседании, проходившем 7 марта 1938 года, Вышинский стал спрашивать Бухарина, одобрял ли он переговоры Карахана с немецкими фашистами. Вождь правых сначала ответил: «Я не одобрял» и попытался объяснить свои показания о переговорах Карахана с немцами, данные на предварительном следствии³³. Но прокурор СССР прервал его: «Вы одобрили?». «Я был поставлен перед самым фактом, потому что Карахан...», — начал говорить Бухарин. «Вы одобрили эти переговоры Карахана с немецкими фашистами?» — снова прервал его Вышинский. «Я, гражданин прокурор, говорю, что это был политический факт», — сказал Бухарин: он явно не хотел отвечать на заданный вопрос. Но государственный обвинитель был настойчив: «Вы одобрили переговоры Карахана от имени блока с немецкими фашистами?». Бухарин стал отвечать уклончиво: «Вообще, относительно переговоров... я одобрял, т.е. считал, что целесообразно...», однако Вышинский не позволил ему уклониться от ответа. «Не вообще, а переговоры, которые вел Карахан?», — уточнил прокурор свой вопрос. Бухарин же вместо ответа на него, стал выговаривать: «Я уже вам объяснял, гражданин прокурор, что дело обстояло таким образом, что Карахан поехал без предварительного решения общего центра и вернулся...». Вышинский прервал его новым вопросом: «Вам известно было, что Карахан вел переговоры с немецкими фашистами?». «Известно», — ответил Бухарин и пояснил, что узнал об этом от Томского и самого Карахана.

«Вы эти переговоры одобрили?» — снова спросил его Вышинский. «Не дезавуировал, следовательно, одобрил», — сказал Бухарин, опять уклоняясь от прямого ответа. «Я вас спрашиваю, одобрили или нет?» — не унимался Вышинский. «Я повторяю, гражданин прокурор: так как не дезавуировал, то, следовательно, одобрил», — сказал подсудимый. «Следовательно, одобрили?» — еще раз спросил Вышинский, надеясь получить, наконец, от подсудимого краткий ответ — «одобрил». Но Бухарин остался верен себе и повторил: «Если не дезавуировал, то, следовательно, одобрил»³⁴.

³³ Эти показания приведены в публикации: *Томсинов В.А.* Андрей Януарьевич Вышинский (1883 – 1954): государственный деятель и правовед. Статья сороковая // Законодательство. 2020. № 11. С. 88–91.

³⁴ Судебный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского блока», рассмотренному Военной коллегией Верховного суда Союза ССР 2–13 марта 1938 г. Полный текст стенографического отчета. М., 1938. С. 363.

Не сумев принудить Бухарина к признанию, Вышинский обратился к его ближайшему соратнику: «Подсудимый Рыков, эти переговоры Карахан вел по собственной инициативе?». И Рыков дал ответ, который был необходим государственному обвинителю, сообщив: «Он вел их по поручению, по инициативе Томского, но я и Бухарин эту инициативу одобрили, когда нам докладывали об этих переговорах». «Одобрили не только факт переговоров, но и инициативу, то есть самое дело в целом?» — задал уточняющий вопрос Вышинский. «Мы оба — не маленькие люди. Если не одобрять такие вещи, тогда с ними надо бороться. В нейтралитет в таких вещах играть нельзя», — заявил Рыков. «Итак, можно установить, — решил подытожить Вышинский, — что с ведома Бухарина Карахан вел переговоры с немецкими фашистами. Вы это, обвиняемый Рыков, подтверждаете?» «Да», — сказал Рыков.

Николай Иванович возмутился: «Что значит “с ведома Бухарина”? Не было такого положения, что я знал, что он туда едет»³⁵. Вышинский напомнил ему только что сказанное его ближайшим соратником: «Обвиняемый Рыков сейчас показал перед судом в вашем присутствии, что Карахан начал переговоры с немцами по инициативе не своей, а Томского...». Бухарин возразил: «Но тогда ни Рыков, ни я об этом не знали...». Вышинский опять прервал его: «Но когда потом узнали, то одобрили?». Бухарин ответил в прежнем духе: «Рыков здесь уже сказал, что в таких случаях не может быть нейтралитета: если не прервал, то, значит, одобрил. А это — перефраз того, что я сказал: если не дезавуировал, то одобрил». Однако Вышинский, опираясь на показания Рыкова, объявил: «Итак, подсудимый Бухарин, вы несете ответственность за эти переговоры Карахана с немцами?»³⁶

Этот спор между подсудимым и государственным обвинителем, возникший по вопросу одобрения или неодобрения переговоров Карахана с немецкими фашистами, интересен, помимо прочего, еще и тем, что отчетливо показал, с одной стороны, приемы, которые Вышинский использовал для обоснования обвинения в тех случаях, когда подсудимый его отвергал или признавал частично, а с другой стороны, примененную Бухариным тактику защиты от выдвинутых против него обвинений в совершении самых тяжких преступлений.

³⁵ Там же. С. 364.

³⁶ Там же.

Стремление добиться от подсудимых ясно выраженных признательных показаний составляло, безусловно, определяющую черту применявшейся Вышинским методики их допросов в зале суда. Для открытого, показательного судебного процесса, имеющего не только юридическое, но также идеологическое предназначение, публичное признание подсудимыми выдвинутых против них обвинений было чрезвычайно важным. Поэтому Вышинский проявлял в достижении этой цели предельную настойчивость. Он решительно пресекал любые попытки подсудимых уклониться от прямых ответов и, если требовалось, многократно повторял во время публичного допроса один и тот же вопрос. При этом ответы подсудимых в зале суда сверял с их показаниями на предварительном следствии и ответами других подсудимых, не оставляя без внимания случаи противоречия или просто расхождения между ними.

Перепапка Вышинского с Бухариным по вопросу одобрения или неодобрения вождем правой оппозиции переговоров Карахана с немцами свидетельствует, что в обосновании государственного обвинения по отношению к тому или иному подсудимого прокурор СССР вполне мог обойтись без ясно выраженного признания самого подсудимого. Бухарин отказался прямо признать, что одобрял эти переговоры и все усилия, предпринятые для того, чтобы склонить его к такому признанию, оказались напрасными. Тогда Вышинский для обоснования вывода о том, что Бухарин несет ответственность за переговоры Карахана с немцами, обратился к показаниям подсудимого Рыкова, который подтвердил в зале суда, что Карахан вел эти переговоры «с ведома Бухарина».

Многократно задавая Бухарину один и тот же вопрос — одобрил тот или нет переговоры Карахана с немецкими фашистами, Вышинский каждый раз показывал, что вождь правых уклоняется от прямого ответа, пытается перевести разговор на другие темы. Тем самым Вышинский, не добившись от подсудимого прямого и четкого признания, все равно смог выставить его в неблагоприятном образе.

При этом нельзя не отметить, что защищаясь от обвинений, Бухарин применил в рассмотренном эпизоде довольно хитроумную и хорошо продуманную тактику. Если свою вину в создании тайной заговорщической организации и в разработке плана государственного переворота вождь правых пытался свести к чисто теоретическим ошибкам, идеологическим просчетам, повлекшим за собой неверную оценку политики сталинского

руководства ВКП (б) и Советского государства, то одобрение переговоров Карахана с немецкими фашистами, предполагавших сотрудничество с враждебной по отношению к СССР державой и готовность идти ей на территориальные уступки, Бухарин старался представить в виде не **преступления-действия**, а **преступного бездействия**. Именно поэтому он дважды повторил, что его одобрение переговоров Карахана с немецкими фашистами выразилось в том, что, узнав о них, он промолчал (*«если не дезавуировал, то, следовательно, одобрил»*).

В ходе допроса Бухарина Вышинский еще не раз поднимал вопрос о сотрудничестве вождей правых с Л.М. Караханом, о его роли в разработке планов государственного переворота, его переговорах с немецкими фашистами³⁷. Формула обвинения, выдвинутая против Бухарина, Рыкова, Ягоды, Крестинского и других подсудимых по делу антисоветского «право-троцкистского блока», вменяла им в основном такие преступления, как шпионаж в пользу иностранных государств, подрыв военной мощи СССР, провокация военного нападения этих государств на СССР, поражение и расчленение СССР, свержение в СССР социалистического общественного и государственного строя и восстановление капитализма и власти буржуазии. «Право-троцкистский блок» обвинялся в том, что вступил в сношение с некоторыми иностранными государствами в целях получения с их стороны вооруженной помощи для осуществления своих преступных замыслов. Фигура Л.М. Карахана, занимавшего в 1918–1921 и 1926–1934 годах пост заместителя наркома иностранных дел, а затем полномочного представителя СССР в Турции, в полной мере соответствовала этой формуле обвинения. Арестованный в начале мая 1937 года он был признан виновным в том, что с 1934 года являлся участником антисоветского заговора правых и по поручению руководителей заговорщической организации правых вел переговоры с представителями германского Генерального штаба об оказании заговору вооруженной помощи со стороны Германии.

Протокол допроса Л.М. Карахана, проведенного 2 июня 1937 года, показывает, что Лев Михайлович, так же как и Бухарин, был тесно связан с маршалом Тухачевским и содействовал ему в организации государствен-

³⁷ Там же. С. 384–389.

ного переворота силами военачальников³⁸. Персона Карахана вполне могла быть использована и для дискредитации правой оппозиции в советском обществе с точки зрения морали. В начале 1922 года Рабоче-Крестьянская инспекция (Рабкрин) провела проверку расходования финансовых средств в системе наркомата иностранных дел и выявила серьезные нарушения в использовании денег бывшим заместителем наркома Л.М. Караханом и управляющим делами наркомата П.П. Горбуновым. 9 марта 1922 года Сталин обратился к председателю СНК РСФСР В.И. Ленину с запиской, в которой сообщил: «На основании ревизии финансовой части НКИИдела (под руководством т. Розмирович) тт. Карахан и Горбунов должны быть привлечены к суду. Будучи убежден в целесообразности привлечения, я ставлю этот вопрос в Политбюро, прося санкции. Как думаете на этот счет?.. Я думаю, что привлечение такого рода надо обязательно начать, причем особую строгость нужно проявлять по отношению к коммунистам (без этого мы не сохраним порядка в наших учреждениях)»³⁹. Ленин ответил на следующий день: «Раз Вы убеждены, и есть формальное постановление следователя, надо привлечь. Нельзя спускать»⁴⁰.

До конца 1922 года шло расследование уголовного дела в отношении указанных лиц, но к суду они привлечены не были (скорей всего, этому помешала серьезная болезнь Ленина).

Как и многие старые большевики-революционеры, Л.М. Карахан не сумел вписаться в новую государственную систему, формировавшуюся в Советском Союзе со второй половины 1920-х годов, предполагавшую отказ от идеи мировой революции и национализацию государственной политики СССР, как внутренней, так и внешней. В письме к В.М. Молотову, написанном 23 сентября 1926 года, Сталин дал Л.М. Карахану, представлявшему в то время интересы Советского государства в Китае, следующую характеристику: «Не давайте волю Карахану насчет Китая, — он испортит все дело, ей-ей. Он изжил себя, ибо он был и остался полпредом первой стадии кит[айской] революции, и совершенно не годен, как руков[одите]ль, в нынешней новой обстановке, китайской и международной, как руководитель при новых событиях, которых он не понимает и не поймет

³⁸ См.: Протокол допроса арестованного Карахана Льва Михайловича от 2 июня 1937 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171.Д. 309. Л. 123–130. Томсинов В.А. Андрей Януарьевич Вышинский (1883 – 1954): государственный деятель и правовед. Статья сороковая. С. 91.

³⁹ В.И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. М., 2000. С. 513.

⁴⁰ Там же.

самостоятельно, как человек страшно легкомысленный и ограниченный (в смысле револ[юционн]ого] кругозора). А смелости и нахальства, самоуверенности и гонора — хоть отбавляй. Вот, что особенно опасно»⁴¹.

Возможно, именно в этой характеристике следует искать разгадку того, что произошло с Караханом в 1937 году: его нахальства, самоуверенности и гонора вполне могло хватить, чтобы поломать сценарий открытого, показательного судебного процесса. Поэтому осудили его в закрытом заседании Военной коллегии Верховного суда СССР уже 20 сентября 1937 года, а возможно, оформили расстрельный приговор, даже не вызывая в суд⁴². В тот же день данный приговор привели в исполнение. Но по каким-то причинам настоящая дата осуждения и расстрела Л.М. Карахана была засекречена.

20 декабря 1937 года в газете «Правда» появилась небольшая заметка под названием «В Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР», в которой сообщалось: «16 декабря 1937 года Военной Коллегией Верховного Суда Союза ССР в закрытом судебном заседании в порядке закона от 1-го декабря 1934 года было рассмотрено дело по обвинению Енукидзе А.С., Карахана Л.М., Орахелашвили И.Д., Шеболдаева Б.П., Ларина В.Ф., Метелева А.Д., Цукермана В.М. и Штейгера Б.С. в измене родине, террористической деятельности и систематическом шпионаже в пользу одного из иностранных государств, т.е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-1а, 58-6 УК РСФСР. Все обвиняемые полностью признали себя

⁴¹ Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925–1936 гг. Сборник документов. М., 1996. С. 94. О глупостях Л.М. Карахана, которые наносили огромный ущерб нашей стране, Сталин писал и в других письмах. См, например, его письмо Л.М. Кагановичу от 7 сентября 1931 г. в издании: Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. М., 2001. С. 88–89. Г.С. Агабеков, занимавший в 1928–1929 гг. должность начальника Восточного Сектора Иностранного отдела ОГПУ и часто общавшийся по делам службы с заместителем наркома иностранных дел Л.М. Караханом, в своих мемуарах, изданных после бегства из СССР, посвятил ему целую главу под названием «Карахан и ГПУ». В ней он дал Карахану следующую характеристику, опирающуюся на конкретные факты: «Однако, несмотря на несомненный талант Карахана к мелким интригам и подсиживаниям, его основное несчастье заключается в том, что он не то, что глуп, а недостаточно умен и выдержан» (Агабеков Г.С. Ч.К. за работой. Берлин, 1931. С. 255). Это мнение полностью совпадает с мнением, выраженным Сталиным в упомянутом письме к Молотову.

⁴² Решение о предании Л.М. Карахана суду по первой категории, т.е. с приговором к высшей мере наказания было принято в Политбюро, как свидетельствуют документы, ровно за месяц до этого. См.: Список лиц, подлежащих суду Военной коллегии Верховного Суда Союза ССР. 20 августа 1937 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 410. Л. 259.

виновными в предъявленных им обвинениях. Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР приговорила обвиняемых... к высшей мере наказания — расстрелу. Приговор приведен в исполнение»⁴³.

На самом деле уголовные дела названных лиц были рассмотрены по отдельности и в разные дни⁴⁴. Зачем понадобилась эта фальсификация, можно только предполагать.

Л.М. Карахан был сторонником Бухарина и вместе с ним оказался вовлеченным в заговор военачальников. Любопытно, что первые свои откровенные показания о заговорщической деятельности они оба дали 2 июня 1937 года, после того как узнали об аресте Тухачевского. Карахан знал о государственном перевороте, который готовил маршал, явно больше Бухарина⁴⁵. Планируя свержение Сталина, Тухачевский очень надеялся на поддержку фашистской Германии, без которой — он был уверен — заговорщикам невозможно будет удержать власть. Его связь с германским правительством осуществлялась через Карахана⁴⁶. Из показаний Карахана, данных на допросе 2 июня 1937 года, видно, что он неоднократно встречался с генералом Герхардом Мильхом, статс-секретарем рейхсминистра Германа Геринга, и обсуждал с ним план государственного переворота,

⁴³ Правда. 1937. № 348 (7314). 20 декабря. С. 5.

⁴⁴ Например, решение о предании суду А.С. Енукидзе было утверждено в Политбюро 21 октября 1937 г. (Список лиц, подлежащих суду Военной коллегии Верховного Суда Союза ССР. 21 октября 1937 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 411. Л. 232), а расстрельный приговор в отношении его был вынесен спустя восемь дней — 29 октября. 30 октября он был приведен в исполнение.

⁴⁵ На допросе 2 июня 1937 г. Карахан сообщил: «Об участии в заговоре ТУХАЧЕВСКОГО, ЯКИРА я знаю из своих личных преступных отношений с ними» (Протокол допроса арестованного Карахана Льва Михайловича от 2 июня 1937 г. Л. 125).

⁴⁶ Сам Тухачевский, согласно его показаниям на допросе в зале суда 11 июня 1937 г., в 1936 г. встречался в Лондоне с генералом германского Генерального штаба Карлом фон Рундштедтом и обсуждал с ним вопрос о помощи заговорщикам со стороны германских вооруженных сил. В конце разговора Рундштедт сообщил, что дальнейшее сотрудничество с Рейхсвером Тухачевский должен осуществлять через генерала Эрнста Кёстринга, в то время военного атташе Германии в СССР и Литве. По признанию Тухачевского, до своего ареста он успел встретиться с Кёстрингом на одном из приемов в Москве (См.: Стенограмма судебного заседания Специального Судебного Присутствия Верховного Суда СССР от 11 июня 1937 г. по делу по делу Тухачевского М.Н. и др. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 392 Л. 49–51, 55). Эти показания Тухачевского очень похожи на правду: известно, что генерал Рундштедт был противником войны Германии с Россией и ненавидел Гитлера. Похожие настроения разделял и Э. Кёстринг. Его отец был управляющим имением графа А.В. Шереметьева «Серебряные Пруды», поэтому ранние годы своей жизни Эрнст провел в России, получив здесь образование.

затем доводил точку зрения «германского генерального штаба Рейхсвера» до Тухачевского⁴⁷. Сталин, ознакомившись с протоколом этого допроса, поставил на первой его странице пометку «важно».

Стремление заговорщиков опереться в захвате и удержании власти на помощь со стороны фашистской Германии самым серьезным образом подрывало их репутацию в глазах советского общества. Поэтому Вышинский постарался, чтобы этот факт обязательно прозвучал во время допроса Бухарина. Заставив вождя правых взять на себя ответственность за переговоры Карахана с немцами, прокурор спросил, о чем шли переговоры — «о подготовке поражения»? «Так вопрос не стоял», — заметил Бухарин. «О помощи вам?» — спросил Вышинский. «Вообще о помощи.., о нейтрализации я сказал...», — неуверенно начал отвечать Бухарин. Вышинский прервал его уточняющим вопросом: «В чем помощь должна была быть оказана? В содействии успеху заговора?». Бухарин попытался уклониться от ответа. «Во время заговора могла быть немецкая интервенция вообще против нас... Нужно это нейтрализовать, это и есть помощь»⁴⁸, — сказал он. «То есть, чтобы они помогли вам удержаться у власти?» — конкретизировал Вышинский. «Нейтрализовать их и тем самым помочь удержаться у власти», — согласился Бухарин.

Отвечая далее на вопросы государственного обвинителя подсудимый Бухарин сообщил, что за обещанную Германией помощь заговорщикам при успешном государственном перевороте они предполагали расплатиться уступками. Рыков на вопрос об уступках ответил, что он с Бухариным Томским решили, что можно согласиться на отторжение от СССР Белоруссии. Бухарин уточнил: не Белоруссии, а Украины⁴⁹.

В дальнейших своих показаниях Бухарин рассказал, как и почему вожди правой оппозиции приняли решение опереться в борьбе за власть на военачальников, настроенных против Сталина. По его словам, «в 1933–1934 годах кулачество было уже разгромлено, повстанческое движение перестало быть реальной возможностью и поэтому в центре правой организации снова наступил период, когда ориентация на контрреволюционный заговорщический переворот сделалась центральной

⁴⁷ Протокол допроса арестованного Карахана Льва Михайловича от 2 июня 1937 г. Л. 125.

⁴⁸ Судебный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского блока»... Полный текст стенографического отчета. С. 364.

⁴⁹ Там же. С. 365.

идеей»⁵⁰. В связи с этим руководители правых пришли к идее «государственного переворота, осуществляемого путем вооруженного заговора», и вступили в союз с военной организацией заговорщиков, во главе которой стоял Тухачевский.

По свидетельству Бухарина, «организация преступного контрреволюционного заговора» сложилась уже к XVII съезду ВКП (б)⁵¹. В нее входили «силы Енукидзе, Ягоды, организации в Кремле, НКВД, военной организации и силы московского гарнизона», находившиеся под начальством руководителей заговорщиков военной группы. Николай Иванович особо отметил, что «в самой военной группе, которая была непосредственным организатором сил и фактической организацией военного переворота, был уже сравнительно давно блок между правыми, троцкистами и зиновьевцами»⁵².

О том, что заговорщикам действительно удалось собрать значительные силы, свидетельствует сообщенный Бухариным факт: накануне открытия XVII съезда М.П. Томский выдвинул идею приурочить государственный переворот именно к этому событию и начать его осуществление с ареста участников данного партийного форума. И что примечательно, эта идея серьезно обсуждалась в руководстве заговорщиков и была отвергнута не по моральным, а чисто по тактическим соображениям — из-за опасения «исключительного возмущения среди масс»⁵³.

Описывая в показаниях на суде группы, составившие «право-троцкистский блок», и связи их с зарубежными коммунистическими и социалистическими организациями, Бухарин обратил внимание, что этот блок «на самом деле имеет гораздо более широкое содержание не только с точки зрения своих хвостов или своего окружения, но с точки зрения самого своего состава». Здесь Вышинский прервал его, спросив: «Говоря об этих связях вашего центра и вашего блока, вы не сказали о связях с иностранной разведкой и фашистскими кругами». «По этому поводу я ничего не имею показать»⁵⁴, — ответил Бухарин.

⁵⁰ Там же. С. 373.

⁵¹ Данный съезд проходил с 26 января по 10 февраля 1934 г.

⁵² Судебный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского блока»... Полный текст стенографического отчета. С. 378.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же. С. 382.

Вышинский не понял, что Бухарин подробно рассказывал о составе «право-троцкистского блока» не для того, чтобы **разоблачить** себя и правую оппозицию, а напротив — дабы **оправдать**. «С приходом к власти фашистов в Германии, — продолжил свой рассказ вождь правых, — среди верхушки контрреволюционных организаций начался обмен мнений относительно возможности использования иностранных государств в связи с военной ситуацией. Здесь я должен прямо сказать, а на суде я рассказываю то, что я именно помню, дело обстояло в этом важнейшем вопросе, который представляет очень крупный объект для суждения суда и для применения тех или иных санкций судебного порядка, дело обстояло таким образом, что у троцкистов с места в карьер речь шла относительно **территориальных уступок**, тогда как в общем и целом в сферах руководящих кругов правой контрреволюционной организации речь шла в первую очередь относительно концессий, торговых договоров, тарифов, цен, поставки сырья, горючего и тому подобного, одним словом — **различных уступок экономического содержания**. Я заявил суду в самом начале своих показаний, что я, как один из руководителей контрреволюционного блока, а не как стрелочник, несу ответственность за совокупность решительно всего, что производилось этой организацией. Но, поскольку речь идет относительно конкретных вещей, мне кажется, что можно охарактеризовать дело таким образом, что **ведущим началом в блоке, наиболее активным политическим началом в смысле остроты борьбы, в смысле далеко идущих преступных связей и прочего, — все-таки была троцкистская часть**»⁵⁵ (выделено мною. — В.Т.).

Чтобы это оправдание прозвучало убедительнее, Бухарин постарался показать, что не только не состоял, но и не мог состоять в союзе с Троцким. «Летом 1934 года Радек мне сказал, — сообщил он суду, — что от Троцкого получены директивы, что Троцкий с немцами ведет переговоры, что Троцкий уже обещал немцам целый ряд территориальных уступок, в том числе Украину. Если мне память не изменяет, там же фигурировали территориальные уступки и Японии. Вообще, Троцкий вел себя в этих переговорах уже не только как заговорщик, который в будущем имеет надежду на то, чтобы путем вооруженного переворота стать у власти, но

⁵⁵ Там же. С. 382–383.

уже сам чувствует себя хозяином Советской земли, которую он хочет превратить из советской в несветскую»⁵⁶

Бухарин защищался не от смертного приговора — вряд ли у него были какие-либо надежды на иной исход этого судебного процесса. Он защищался от мнения о себе как о человеке, предавшем свою страну, свое отечество. Передовица в газете «Правда», напечатанная в субботу 5 марта 1938 года — в тот день, когда начался допрос Бухарина в суде, — была названа «Презренные торговцы родиной». В ней заявлялось: «Рыков, Бухарин, Крестинский лизали сапоги фашистских генералов и оберразведчиков, торопя их двинуться войной против СССР. Хищно склоняясь над картой Советского Союза, гнусные бандиты мысленно резали, кромсали на клочки советскую землю. Они глядели на цветущие советские республики и края, как на разменную монету для своих сношений с фашистскими генеральными штабами. Белоруссию они продавали польским панам, Украину — немецким фашистам, Приморье — японским генералам, Среднеазиатские республики и северный край — английским банкирам. Оптом и в розницу право-троцкистские иуды торговали священной землей нашей родины». Завершалась передовица заверением: «Трудящиеся беспощадно сметут с лица советской земли право-троцкистскую и национал-фашистскую мразь. Презренные торговцы родиной найдут заслуженную кару и будут раздавлены советским правосудием»⁵⁷.

А в понедельник 7 марта, во второй день допроса Бухарина в зале суда, передовица «Правды» была озаглавлена «Право-троцкистские бандиты — поджигатели войны». «Право-троцкисты — это шпионы и провокаторы на службе у разведок и охранок всего капиталистического мира, — утверждалось в ней. — Они выполняют задания генеральных штабов. Они действуют самыми подлыми, самыми грязными и кровавыми приемами всюду, где готовится нападение на народы, где капиталистические хищники затевают преступные авантюры»⁵⁸.

Бухарин знал, что заговорщик, выступивший против властвующих, не является в русском народном сознании преступником — не пользуются властвующие на Руси уважением. Поэтому он легко признавался на предварительном следствии и в суде в том, что руководил заговорщической

⁵⁶ Там же. С. 383.

⁵⁷ Презренные торговцы родиной // Правда. 1938. № 63 (7388). 5 марта. С. 1.

⁵⁸ Право-троцкистские бандиты — поджигатели войны // Правда. 1938. № 65 (7390). 7 марта. С. 1.

организацией, стремившейся к захвату власти. Но вместе с тем Николай Иванович хорошо понимал, что **нет для русского народа позорнее клейма, чем клеймо предателя своего отечества.** Поэтому легко сознаваясь в заговорщической деятельности, он не просто решительно, а даже неистово отвергал обвинения в шпионаже, в сотрудничестве с иностранными правительствами или разведками — в преступлениях, направленных против страны, против своего отечества, против народа.

«Томский признавал возможным использование войны и предварительных соглашений с Германией», — сообщал Бухарин в показаниях на суде, но при этом подчеркивал, что сам он выступал против этого и приводил аргументы, которыми руководствовался: «Я говорил, что, во-первых, если речь идет относительно вмешательства в той или иной форме Германии во время войны в помощь контрреволюционному перевороту, то, как всегда это бывает и так как она представляет собой довольно сильный военный и технический фактор, — она неизбежно положит ноги на стол и разорвет всякое предварительное соглашение, которое предварительно было бы заключено. Во-вторых, я выставлял тот аргумент, что, поскольку речь идет о военном перевороте, то, в силу самой логики вещей, будет необычайно велик удельный вес именно военной группы заговорщиков и, как всегда бывает в этих случаях, именно эта часть совокупных верхушечных контрреволюционных сил окажется в распоряжении больших материальных сил, а следовательно и политических, и что отсюда может возникнуть своеобразная бонапартистская опасность, а бонапартисты, я, в частности, имел в виду Тухачевского, первым делом расправятся со своими союзниками, так называемыми вдохновителями, по наполеоновскому образцу. Я всегда в разговорах называл Тухачевского “потенциальным Наполеончиком”, а известно, как Наполеон расправлялся с так называемыми идеологами»⁵⁹.

Вышинский, терпеливо слушавший длинный рассказ Бухарина о разногласиях среди заговорщиков, после этих слов прервал свое молчание. «А вы считали себя идеологом?» — язвительно спросил он подсудимого. «В том числе — и идеологом контрреволюционного переворота, и практиком», — ответил Бухарин, но при этом счел необходимым добавить

⁵⁹ Судебный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского блока»... Полный текст стенографического отчета. С. 384.

твердым голосом: «Вам, конечно, предпочтительнее сказать, что я считал себя шпионом, но я им себя не считал и не считаю»⁶⁰.

3

Одно из обвинений, выдвинутых против Бухарина, касалось событий, произошедших в первый год существования Советского государства. «Следствием установлено, — говорилось в обвинительном заключении, — что уже в 1918 году, непосредственно вслед за Октябрьской революцией, в период заключения Брестского мира, *Бухарин* и его группа как называемых “левых коммунистов” и Троцкий с его группой совместно с “левыми” эсерами организовали заговор против *В. И. Ленина*, как главы Советского правительства. *Бухарин* и другие заговорщики, как это видно из материалов следствия, имели своей целью сорвать Брестский мир, свергнуть Советское правительство, арестовать и убить *В. И. Ленина*, *И. В. Сталина* и *Я.М. Свердлова* и сформировать новое правительство из бухаринцев, которые тогда для маскировки называли себя “левыми коммунистами”, троцкистов и “левых” эсеров»⁶¹.

Данный эпизод приходился на время, которое отстояло от процесса по делу антисоветского «право-троцкистского» блока на целых два десятилетия, однако Вышинский уделил этой теме особое внимание. По ходатайству прокурора СССР в суд были вызваны пять свидетелей: бывшие члены группы «левых коммунистов» *В.Н. Яковлева*, *В.В. Осинский (Оболенский)*, *В.Н. Манцев* и бывшие члены ЦК партии «левых эсеров»: *Б.Д. Камков (Кац)* и *В.А. Карелин*⁶². Их допросы заняли половину утреннего заседания суда 7 марта и все вечернее заседание того же дня⁶³.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Судебный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского блока»... Полный текст стенографического отчета. С. 32.

⁶² Любопытно, что трое из свидетелей — *В.В. Осинский*, *В.Н. Манцев*, *В.А. Карелин* — учились, как и *Бухарин*, на юридическом факультете Московского университета. причем приблизительно в одно и то же время, Правда, полный курс факультета прошел только *В.В. Осинский* (наст. Фамилия: *Оболенский*). *Б.Д. Камков* также получил юридическое образование, но на юридическом факультете Гейдельбергского университета. Еще одно совпадение носит трагический характер: все эти свидетели были репрессированы — *В.Н. Яковлеву* расстреляли 11 сентября 1941 г., остальных — в августе и сентябре 1938 г.

⁶³ Расшифрованная стенографическая запись этих допросов составила при публикации целых 60 страниц. См.: Судебный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского блока»... Полный текст стенографического отчета.. С. 390–450.

В обвинительном заключении обращение к событиям, происходившим в марте 1918 года в связи с заключенным в Брест-Литовске мирным договором между Советским государством и Германской империей, объяснялось тем, что совершенные в то время Бухариным и Троцким преступления «проливают полный свет» на всю последующую их преступную контрреволюционную деятельность⁶⁴. Государственное обвинение стремилось доказать, что они **изначально**, еще в первый год существования Советского государства, допускали использование **самых жестоких насильственных методов** не только в войне против врагов, но и в политической борьбе внутри большевистской партии – против своих однопартийцев. По мнению, изложенному в обвинительном заключении, данный факт позволял сделать вывод о том, что «чудовищные преступления», совершенные Бухариным и Троцким в 1930-е годы и выразившиеся прежде всего в их активном участии в подготовке государственного переворота, предполагавшего убийство Сталина и других руководителей ВКП (б), «не были случайностью ни для троцкистов, ни для правых»⁶⁵.

На самом деле рассмотрение в рамках процесса по делу антисоветского право-троцкистского блока эпизода, связанного с борьбой «левых коммунистов» во главе с Бухариным против мирного договора Советского государства с Германией, имело **более идеологический**, нежели юридический смысл и вместе с тем, как ни странно, **судьбоносное** значение для страны. Именно поэтому Вышинский уделил данному эпизоду из истории Советского государства такое большое внимание. Он вел допросы свидетелей как государственный обвинитель и старался получить от них показания о юридически значимых фактах, подтверждающих формулу обвинения. Но поскольку борьба внутри большевистской партии по поводу заключенного в Брест-Литовске мирного договора с Германией имела ярко выраженную идеологическую подоплеку, действия Бухарина в этой ситуации весьма трудно было свести к уголовным преступлениям.

Бухарин обвинялся в том, что в стремлении сорвать Брестский мир готовил арест и убийство В. И. Ленина, И. В. Сталина и Я.М. Свердлова с тем, чтобы сформировать новое правительство из своих сторонников. Надлежащую юридическую оценку этим обвинениям можно дать лишь с учетом подлинного смысла разногласий между Бухариным и Лениным по

⁶⁴ Там же. С. 36.

⁶⁵ Там же. С. 32.

отношению к мирному договору между Советским государством и Германской империей. Очевидно, что в данном случае необходимо выяснить, насколько серьезными оказывались эти разногласия? Являлись ли они существенными настолько, что вполне могли подвигнуть Бухарина к осуществлению государственного переворота, аресту и убийству главы советского правительства В.И. Ленина, требовавшего мира с Германией на любых условиях?

Стенограмма допросов Яковлевой, Осинского, Манцева, Камкова и Карелина, вызванных в суд для дачи показаний о борьбе Бухарина в марте 1918 года против заключения Советским государством мирного договора с Германией, показывает, что Вышинского в большей степени интересовала не идеологическая подоплека политического противостояния партийных группировок по поводу этого договора, а **методы**, которые Бухарин и его сторонники (группа так называемых «левых коммунистов») готовились применить против Ленина и других большевистских вождей, настойчиво призывавших к миру с Германией.

Первой из свидетелей допрашивалась *Варвара Николаевна Яковлева*. В своих показаниях она сначала сказала о том, что в 1918 году состояла в группе «левых коммунистов», идейным руководителем которой являлся Бухарин, что фракционным ядром группы выступало московское областное бюро большевистской партии и что «Бухарин, как и вся группа “левых коммунистов”, был против заключения мира с немцами»⁶⁶.

Услышав это, Вышинский спросил: «Какие шаги он предпринял для того, чтобы сорвать заключение мира?» Яковлева сказала в ответ: «Имелся ряд выступлений в печати и партийных кругах, затем была и нелегальная деятельность группы “левых коммунистов”, которая была направлена к тому же самому». «В чем выражалась подпольная антисоветская деятельность группы “левых коммунистов”? Может быть припомните наиболее яркие факты, характеризующие ее деятельность», — снова спросил Вышинский. По словам Яковлевой, «левые коммунисты» и прежде всего Бухарин еще в конце февраля 1918 года решили, что «в политической борьбе против заключения мира с немцами, в политической борьбе по вопросу о войне и мире не следует останавливаться не только перед сменой руководства в партии и в правительстве, но даже не следует останавливаться и перед арестом руководящей, наиболее решительной

⁶⁶ Там же. С. 391.

части правительства в лице Ленина, Сталина и Свердлова, а в случае дальнейшего обострения борьбы не следует останавливаться даже перед их физическим уничтожением»⁶⁷. «Перед физическим уничтожением — кого?» — задал еще один уточняющий вопрос Вышинский. «Вождей партии: Ленина, Сталина и Свердлова»⁶⁸, — ответила свидетель.

В последующих показаниях Яковлева сообщила, что Бухарин и руководимые им «левые коммунисты» продолжали борьбу против мирного договора с Германией и после принятия Седьмым Экстренным съездом РКП (б) резолюции о его утверждении⁶⁹. По свидетельству Яковлевой, в конце апреля или начале мая 1918 года состоялось нелегальное заседание группы «левых коммунистов» с участием, помимо нее, Бухарина, Пятакова, Преображенского, Стукова, Лобова, Максимовского, Манцева, Кизельштейна. Бухарин сделал на этом совещании доклад, в котором «указал, что “левые коммунисты” в партии потерпели поражение, но что это не снимает вопроса о “губительных” последствиях Брестского мира, что “левым коммунистам” не следует слагать оружия, что нужно искать союзников вне партии, такими союзниками и являются “левые” эсеры»⁷⁰. Касаясь методов этой борьбы, Бухарин, по утверждению Яковлевой, якобы «говорил о возможности чрезвычайно агрессивных форм, о том, что теперь уже совершенно ясно стоял вопрос о самом правительстве и о формировании его из “левых коммунистов” и “левых” эсеров, что в ходе борьбы за это может встать вопрос и об аресте руководящей группы правительства в лице Ленина, Сталина и Свердлова, а в случае дальнейшего обострения борьбы возможно и физическое уничтожение наиболее решительной руководящей части Советского правительства»⁷¹.

⁶⁷ Там же. С. 391–392.

⁶⁸ Там же. С. 392.

⁶⁹ Данная резолюция была принята VII экстренным съездом РКП (б) на утреннем заседании 8 марта 1918 г. (30 — за, 12 — против, 4 — воздержались). Она гласила: «Съезд признает необходимым утвердить подписанный Советской властью тягчайший, унижительнейший мирный договор с Германией, ввиду неимения нами армии, ввиду крайне болезненного состояния деморализованных фронтовых частей, ввиду необходимости воспользоваться всякой, хотя бы даже малейшей, возможностью передышки перед наступлением империализма на Советскую социалистическую республику» (Седьмой Экстренный съезд РКП (б). Март 1918 года. Стенографический отчет. М., 1962. С. 175).

⁷⁰ Судебный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского блока»... Полный текст стенографического отчета. С. 395.

⁷¹ Там же. С. 396.

Вышинский попросил Яковлеву подтвердить перед судом, что Бухарин ей тоже говорил о «политической целесообразности и необходимости убийства Ленина, как главы Советского государства, Сталина и Свердлова, как руководителей партии и правительства» «Бухарин говорил об этом», — повторила свидетель, добавив: «Конечно, он говорил об этом вскользь, обволакивал это дело рядом путаных и ненужных теоретических рассуждений, как это вообще любит делать Бухарин; он, как в кокон, заворачивал эту мысль в сумму пространных рассуждений, но он это говорил»⁷².

Вторым после Яковлевой допрашивали *Валериана Валериановича Осинского*. Он подтвердил показания Яковлевой и рассказал о своих разговорах с Бухариным, во время которых вождь «левых коммунистов» делился своим замыслом осуществления государственного переворота в союзе с левыми эсерами, Троцким, Зиновьевым и Каменевым.

— А был ли план не только ареста руководителей партии и правительства, но и убийства их? — спросил Вышинский.

— Несомненно, что такой план существовал в качестве руководящей основы и главной перспективы решения вопроса о том, что должно быть сделано с арестованными членами правительства, — ответил Осинский.

— Конкретно с кем?

— С Лениным, Сталиным, Свердловым.

— От кого вам известно намерение блока заговорщиков убить товарищей Ленина, Сталина и Свердлова в 1918 году?

— От Яковлевой, в первую очередь, затем от Бухарина.

— Бухарин лично вам подтверждал это намерение?»⁷³.

Осинский ответил утвердительно.

Свидетель *Василий Николаевич Манцев* сообщил о том, что лично присутствовал в апреле 1918 года на одном из заседаний московского областного бюро, где «Бухарин выступил с докладом, в котором заявил, что после одобрения Брестского мира съездом партии и съездом советов, остается путь один — это путь восстания против Советского правительства, свержения Советского правительства». Согласно воспоминаниям Манцева, руководитель группы «левых коммунистов» в этом докладе сообщил также о том, что считает «необходимым условием успешности переворота арест

⁷² Там же. С. 397.

⁷³ Там же. С. 413.

и, в случае необходимости, физическое уничтожение, просто говоря, убийство руководителей партии и правительства — Ленина, Сталина и Свердлова». «Это вы лично слышали?» — спросил Вышинский. «Да, я лично слышал, так же как все те, кто присутствовал на этом собрании»⁷⁴, — ответил Манцев.

Выступавший свидетелем после Манцева *Борис Давыдович Камков* засвидетельствовал, что левые эсеры считали предложенный Лениным сепаратный мир с Германией — «мир, который он сам назвал похабным, мир с контрибуциями, с аннексиями» — «совершенно неприемлемым» исключительно по идеологическим соображениям⁷⁵. Поэтому они «прилагали все усилия, чтобы сделать этот мир невозможным, чтобы сорвать в той или иной степени его развитие». Но, будучи партией, пребывавшей в процессе формирования, «еще неокрепшей», они не пошли бы в этом противодействии мирному договору с Германией далеко, если бы в большевистской партии не возникло группы «левых коммунистов». Естественно, что левые эсеры стали искать с ними «контакта для возможности совместной борьбы против Брестского мира»⁷⁶.

Камков рассказал суду о разговоре с Бухариным, который состоялся у него в Смольном институте. По словам свидетеля, Бухарин «сказал приблизительно следующее: положение в партии большевиков, в связи с отношением к Брестскому миру, осложняется и приняло довольно острые формы. У нас, сказал он, дебатруется вопрос о возможности создания антибрестского правительства из «левых коммунистов» и «левых» эсеров во главе...». После этой фразы Камков замолчал, но Вышинский повторил вопросительным тоном его последнее слово: «Во главе?». И Камков продолжил: «Здесь же было произнесено имя Пятакова, как возможного председателя этого нового правительства. Здесь же, не помню точно, в каком контексте, но, кажется, на мой вопрос, как это практически мыслится осуществить, и была произнесена затем много раз повторявшаяся... фраза об аресте Ленина»⁷⁷. «Эту фразу вы произнесли или он произнес?» — спросил Вышинский.

Данный вопрос был задан не случайно. В 1924 году Бухарин обнародовал в газетах факт этого разговора и высказывание о

⁷⁴ Там же. С. 415.

⁷⁵ Там же. С. 432.

⁷⁶ Там же. С. 433.

⁷⁷ Там же. С. 430.

необходимости ареста Ленина приписал Камкову, пребывавшему в то время в ссылке в г. Челябинске.

Выступая свидетелем в процессе по делу Бухарина на вечернем судебном заседании 7 марта 1938 года, Камков, вспомнив об этой публикации, с которой он был ознакомлен сразу после ее выхода, заявил: «Меня удивило здесь не то, что этот факт был обнародован. Для этого, может быть, были серьезные политические соображения и, может быть, этот факт не представлял серьезного секрета. Но меня удивило то, что была поставлена неправильно перспектива, что вопрос был поставлен вверх ногами, что слова, произнесенные Бухариным, были приписаны мне»⁷⁸.

«Следовательно, на мой вопрос, кто поставил этот вопрос — Бухарин или вы, вы отвечаете, что этот вопрос был выдвинут Бухариным?» — спросил Вышинский. «Я отвечаю на этот вопрос, что не мною, а Бухариным были произнесены эти слова», — ответил Камков. В доказательство же своей правоты Борис Давыдович привел следующие аргументы: «Для того, чтобы мне сделать члену Центрального Комитета партии большевиков предложение о составе правительства без Ленина, предложив арестовать Ленина, — для этого я должен был иметь какие-то полномочия. С другой стороны, у меня должна была быть твердая уверенность, что это не станет завтра же известно Центральному Комитету партии большевиков в целом и что отсюда вытекает целый ряд самых неблагоприятных для нас последствий. Кроме того, в тот момент — и я это утверждаю категорически — у нас вопрос так и не стоял, и мысли о повороте дела с арестом председателя правительства и других членов правительства, которые стояли на той же позиции, что и Ленин, у нас, в частности у меня, такой мысли не было»⁷⁹.

Такое свидетельство как раз и было необходимо государственному обвинителю. Б.Д. Камков уличал Бухарина не только в наличии у него весной 1918 года преступного замысла арестовать главу советского правительства, но и в трусливой попытке приписать собственный замысел бывшему своему соратнику по борьбе с Брестским миром.

Допрос *Владимира Александровича Карелина* завершил рассмотрение в суде событий 1918 года, происходивших в связи с заключением мирного договора между Советской Россией и Германией. По просьбе Вышинского он рассказал о том, как сложился блок левых эсеров с «левыми

⁷⁸ Там же. С. 431.

⁷⁹ Там же.

коммунистами». Из его показаний следовало, что инициативу сближения с бухаринцами проявил ЦК левых эсеров. В январе 1918 года прошли переговоры лево-эсеровских вождей с Бухариным, Пятаковым и Радеком. Во время них обсуждался предложенный Бухариным вариант замены существовавшего советского правительства на новое, в составе которого будут лишь «левые коммунисты» и левые эсеры. Бухарин просил только отсрочить государственный переворот до VII партийного съезда, на котором «левые коммунисты» рассчитывали завоевать большинство. Но, отметил свидетель Карелин, в той информации, которая давалась на заседании ЦК левых эсеров, «в этот период позиция Бухарина была совершенно четкой», он стоял «на точке зрения свержения Советской власти, не останавливаясь даже перед физическим уничтожением вождей Советского правительства и партии»⁸⁰. «То есть, не останавливаясь перед убийством руководителей партии и правительства?» — переспросил Вышинский. «Ну да, перед физическим уничтожением или убийством», — подтвердил Карелин. «Кого именно?» — поинтересовался Вышинский и получил ожидаемый ответ: «Говорилось о вождях и говорилось персонально относительно Ленина, Сталина и Свердлова».

Далее Карелин сообщил, что в апреле 1918 года он присутствовал на заседании Всероссийского Центрального исполнительного Комитета, на котором Ленин выступил со своим знаменитым докладом «Об очередных задачах Советской власти». Карелин произнес после этого доклада очень резкую речь о Брестском мире, в которой высказал идеи, согласованные левыми эсерами и «левыми коммунистами». По окончании заседания ВЦИК он встретился с Бухариным для разговора о дальнейших совместных действиях левых эсеров и «левых коммунистов». «Говорил ли вам Бухарин при этой встрече о том, что необходимо прибегнуть к физическому уничтожению Ленина, Сталина и Свердлова?» — спросил Вышинский. «Он говорил о том, что необходимо предпринять прямое действие, не останавливаясь перед физическим уничтожением»⁸¹, — ответил Карелин.

Таким образом, все пять свидетелей выступили с утверждением, что весной 1918 года Бухарин в своем стремлении сорвать Брестский мир был готов совершить государственный переворот, арестовав главу советского правительства. Все свидетели, кроме В.Н. Манцева дали показания о том,

⁸⁰ Там же. С. 442.

⁸¹ Там же. С. 443.

что Бухарин вполне допускал для достижения своих целей убийство: Ленина, Сталина и Свердлова.

Бухарин признал, что замысел государственного переворота и арест руководителей Советского государства с целью разрыва мирного договора с Германией им вынашивался весной 1918 года, но он решительно отрицал, что мог пойти на их убийство. «Об аресте Ленина, Сталина и Свердлова вы открыто говорили?» — спросил его Вышинский во время допроса свидетеля В.Н. Яковлевой на утреннем заседании суда 7 марта 1938 года. «Об аресте разговор был, — сообщил Бухарин, — но не о физическом уничтожении. Это было в период не до Брестского мира, а после. До Брестского мира основная ориентация “левых коммунистов” заключалась в том, чтобы завоевать легальными путями большинство в партии...». «Какими легальными путями?» — попросил уточнить Вышинский. «Дискуссиями, голосованиями на собраниях и тому подобным»⁸², — ответил Бухарин.

Вряд ли Вышинский надеялся получить от Бухарина признание в замысле убить Ленина, однако прилагал все усилия, чтобы добиться этого. «Яковлева показывает, — говорил прокурор СССР, обращаясь к подсудимому, — что у вас в 1918 году была установка и план ареста и убийства товарищей Ленина, Сталина и Свердлова. Карелин показывает то же самое, Осинский показывает то же самое, Манцев показывает то же самое. Я вас спрашиваю, — кто вам дал задание подготовить это преступление, какая разведка дала?» «Я отрицаю вообще этот факт»⁸³, — непоколебимо стоял на своем Бухарин.

После допроса последнего свидетеля Вышинский предпринял еще одну попытку склонить Бухарина к признанию в том, что весной 1918 года он, если не планировал, то вполне допускал убийство руководителей Советского государства. Андрей Януарьевич задал подсудимому нейтральный, пустячный вопрос — об обстановке, существовавшей в то время в большевистской партии: «Я говорю — накалена атмосфера была достаточно?»⁸⁴. «Да, горячность по линии фракционной борьбы была очень большая», — согласился Бухарин. «Атмосфера была накалена горячо?» — повторно спросил Вышинский. «Достаточно», — спокойно ответил Бухарин. «И в этой атмосфере вопрос об аресте, а у некоторых,

⁸² Там же. С. 398.

⁸³ Там же. С. 446–447.

⁸⁴ Там же. С. 449.

быть может, об убийстве, не исключался?» — как бы между прочим поинтересовался Вышинский. Но Бухарин был начеку — приемы допроса, использовавшиеся Вышинским для побуждения подсудимых к признательным показаниям, Николай Иванович изучил хорошо и был готов к подобным резким поворотам. «Насчет ареста я признаю, относительно убийства мне ничего ровно неизвестно»⁸⁵, — уверенно парировал он.

Казалось бы, на этом допрос Бухарина должен был завершиться, однако Вышинский изменил бы себе, если бы не попытался еще раз спровоцировать подсудимого на признание в замысле убить Ленина. Заключительная часть допроса Бухарина была похожа на простую словесную перепалку, но ее содержание и характер позволяет сделать весьма важный вывод относительно включения в процесс по делу антисоветского право-троцкистского блока эпизода, связанного с действиями Бухарина весной 1918 года.

«А атмосфера была...», — начал уже знакомую фразу Вышинский, но Бухарин раздраженно перебил его: «Атмосфера была атмосферой». Вышинский от этой дерзости нисколько не смутился и продолжил в прежнем духе: «Атмосфера была достаточной для того, чтобы такие мысли и планы могли родиться в разгоряченных головах?» — пошел прокурор на новый круг допроса. «Может быть, у кого-нибудь рождались, но я лично никаких симптомов этого не замечал», — сказал Бухарин.

— И вас никто на это не толкал? — осведомился Вышинский.

— Нет, никто не толкал, — согласился Бухарин.

— Никто не указывал, что нужно устранить Ленина, Сталина и Свердлова?

— Нет, гражданин прокурор, нет, этого не было.

— Никакие специальные органы?

— Ни органы, ни лица.

— Никакие специальные органы вам поручений не давали?

— Нет, не давали.

— А эти показания свидетелей вы целиком отвергаете?

— Нет, я их отвергаю не целиком.

— А в этой части?

— А в этой части целиком.

⁸⁵ Там же. С. 450.

— А почему говорят об этом и “левые коммунисты” бывшие, и “левые” эсеры, — все?

— Нет, это говорят не все: из двух «левых» эсеров только один.

— Говорят, что вы подготовляли, как изменник революции, арест Ленина, Сталина, Свердлова.

— Это я признаю.

— А к этому они добавили, что вы готовили и убийство.

— А с этой добавкой я абсолютно не согласен, я это категорически отрицаю⁸⁶.

После этого ответа Вышинский замолчал. «Вопросов нет? — поинтересовался председательствующий. «Нет», — сказал государственный обвинитель.

Стенографическая запись допросов Бухарина и свидетелей по поводу упомянутых событий 1918 года показывает, что Вышинский не проявлял в этом эпизоде судебного процесса присущей ему энергичности и агрессивности. Роль государственного обвинителя он исполнял так, будто отбывал какую-то повинность: вел допросы слишком формально, часто повторял одни и те же вопросы — видимо, в надежде, что подсудимый случайно проговорится, невольно скажет какую-нибудь фразу, которую можно будет представить как признание в замысле убить Ленина и Сталина.

Есть серьезные основания полагать, что инициатива обратиться к событиям двадцатилетней давности, чтобы обвинить Бухарина в попытке сорвать мирный договор Советского государства с Германией путем ареста и убийства руководителей страны, исходила только от Сталина. Вышинскому явно не хотелось выставлять этот эпизод на публичное обсуждение, более того — для него это было даже опасно. Защищаясь от обвинений в замысле арестовать Ленина, Бухарин вполне мог напомнить Вышинскому, что за полгода до заключения Брестского мира тот не просто вынашивал замысел арестовать Ленина, но и предпринимал практические меры для этого, состоя на службе Временному правительству Керенского. Можно представить, какой тревогой наполнялся Вышинский, когда задавал Бухарину вопросы о намерениях «левых коммунистов» в отношении к Ленину.

Сталину же было очень выгодно поднять из забвения и снова показать эпизод борьбы «левых коммунистов» во главе с Бухариным и в союзе с

⁸⁶ Там же. С. 450.

Троцким против Брестского мира. В этом эпизоде впервые предельно ясно выразились те противоречия в большевизме, которые разрывали большевистскую партию на две враждебные друг другу, абсолютно непримиримые части. Отстаивая весной 1918 года необходимость заключить с Германией мир на любых и самых невыгодных для Советского государства условиях, Ленин защищался от той части большевизма, с которой пришлось вести ожесточенную борьбу и Сталину. Это была борьба, в которой решалась судьба России, принявшей после распада Российской империи новый политический облик – форму Советского государства.

Противостояние внутри большевистской партии по вопросу мирного договора с Германией отражало два противоположных взгляда на будущее России, и это хорошо понимал Г.Е. Зиновьев. В обращенном к Сталину покаянном трактате «Заслуженный приговор. История бывшей зиновьевской оппозиции - ее ошибок, ее преступлений», написанном весной и летом 1936 года, Григорий Евсеевич вспоминал: «После Октября первый крупный бой за ленинизм разыгрывается вокруг вопроса о Брестском мире. Я говорю – “за ленинизм”, ибо и в тогдашнем споре с “левыми” коммунистами и Троцким дело шло не только о данном конкретном шаге – подписании или неподписании Брестского мира – но и о всем понимании ленинской теории международной пролетарской революции. Фактически это уже тогда было столкновением двух коренным образом различных концепций: ленинской теории о возможности победы социализма в одной стране, и троцкистской теории “перманентной” революции»⁸⁷.

Бухарин с группой «левых коммунистов» и Троцкий со своими сторонниками исходили из невозможности создать социалистический строй в одной стране и поэтому делали ставку на мировую социалистическую революцию. Россия рассматривалась с этой позиции лишь в качестве факела для разжигания революционных настроений по всей Европе. Продолжение мировой войны представлялось наиболее эффективным средством ускорить наступление революционных событий в странах, которые были в нее втянуты. Поэтому Россия, с их точки зрения, должна была отказаться от мирного договора с Германией даже в том

⁸⁷ Зиновьев Г.Е. Заслуженный приговор. История бывшей «зиновьевской оппозиции – ее ошибок, ее преступлений. Часть 1 // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 425. Л. 41.

случае, если оказывалась неспособной защититься от наступления германской армии.

Этот взгляд на судьбу России был выражен кратко и отчетливо в резолюции о недоверии ЦК РСДРП (б), принятой 24 февраля 1918 года московским областным бюро большевистской партии, находившимся под контролем «левых коммунистов». В «объяснительном тексте», приложенном к резолюции, сторонники Бухарина предельно цинично декларировали: «В интересах международной революции мы считаем целесообразным идти на возможность утраты Советской власти, становящейся теперь чисто формальной. Мы по-прежнему видим нашу основную задачу в распространении идей социалистической революции на все иные страны и в решительном проведении рабочей диктатуры, в беспощадном подавлении буржуазной контрреволюции в России»⁸⁸.

В поддержку этой позиции Н.И. Бухарин и его сторонники Г.И. Опшюков (А. Ломов), М.С. Урицкий, А.С. Бубнов 6 марта 1918 года напечатали в петроградской газете «Коммунист» обращение «Ко всем членам партии», в котором заявили, что «мирная политика официального ЦК сошла с рельс пролетарской революции», что она является «переходом с позиции революционного пролетариата на позицию деклассированного солдата», что она «оппортунистически предполагает возможность сохранения Советской власти и мирного развития социализма», а это «на самом деле невозможно, как в силу социальной противоположности между разбойничьей монархией Германии и пролетарским режимом в России, так и в силу конкретных стремлений Германии, не могущей продолжать войну на Западе без грабежа и свержения Советской власти на Востоке»⁸⁹.

Эту позицию Бухарин подтвердил и в своем выступлении 7 марта 1918 года на заседании VII съезда РКП (б)⁹⁰. «Уже в самом начале революции, — подчеркнул он, — мы говорили, что русская революция либо будет спасена

⁸⁸ Цит. по: Ленин В.И. Странное и чудовищное // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Издание пятое. М., 1974. Т. 35. Октябрь 1917 — март 1918. С. 400.

⁸⁹ Ко всем членам партии (обращение «левых коммунистов») // Седьмой Экстренный съезд РКП (б). С. 291–292.

⁹⁰ Принятой на вечернем заседании съезда 8 марта 1918 г. резолюцией было решено впредь именовать Российскую социал-демократическую рабочую партию (большевиков) Российской коммунистической партией с добавлением в скобках «большевиков».

международной революцией, либо погибнет под ударами международного капитала. Это было основным нашим тезисом»⁹¹.

Данное утверждение удивительным образом совпадало со взглядами Троцкого на судьбу России, принявшей в результате революционной катастрофы 1917 года облик Советского государства.

4

В ходе процесса по делу антисоветского право-троцкистского блока Бухарин не упускал случая показать себя противником Троцкого. При рассмотрении на судебном заседании 7 марта 1938 года эпизода борьбы против брестского мирного договора советской России с Германией Николай Иванович именно Льва Давидовича назвал инициатором намерения арестовать Ленина, Сталина и Свердлова, а о себе говорил, что лишь согласился с Троцким, «потому, что в руководящей группе “левых коммунистов” к этому плану было известное сочувствие»⁹².

Однако пять допрошенных в зале суда свидетелей инициатором применения столь решительной меры с целью последующего разрыва договора с Германией представили не только Троцкого, но и Бухарина, указав, что они действовали совместно. В.Н. Манцев, попросив у Вышинского разрешения еще раз остановиться на вопросе о том, кто давал директиву о физическом уничтожении вождей партии, даже заявил: «Я знал, что кроме союза с “левыми” эсерами у “левых коммунистов” существует **единомыслие с Троцким**. Об этом я узнал в самом конце, перед роспуском группы “левых коммунистов”. А относительно заговора, относительно предполагаемого убийства, я знал, что это есть предложение лидера нашей фракции Бухарина»⁹³ (выделено мною. — В.Т.).

Бухарин, как и Троцкий, ставил интересы мировой революции выше интересов Российского государства. Продолжение войны он считал полезнее для мировой революции, чем сохранение Советской республики в результате мирного договора с Германией. Ленин тоже думал, что окончательной победы над буржуазией возможно достичь только посредством мировой революции. Но, в отличие от Бухарина и Троцкого,

⁹¹ Седьмой Экстренный съезд РКП (б). Март 1918 года. С. 24.

⁹² Судебный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского блока», рассмотренному Военной коллегией Верховного суда Союза ССР 2–13 марта 1938 г. Полный текст стенографического отчета. М., 1938. С. 419.

⁹³ Там же. С. 423.

он был убежден в том, что сохранение и укрепление российской Советской республики дает этой победе больше шансов, нежели продолжение войны.

Данная позиция превращала Ленина из **революционера-космополита**, желавшего во время мировой войны поражения России, в **революционера-государственника**, приверженного своему отечеству. Об этой трансформации своих взглядов Владимир Ильич предельно откровенно написал в статье «Тяжелый, но необходимый урок», опубликованной 25 февраля 1918 года в газете «Правда»: «Мы — оборонцы теперь, с 25 октября 1917 г., мы — за защиту отечества с этого дня. Ибо мы доказали *на деле* наш разрыв с империализмом. Мы расторгли и опубликовали грязные и кровавые империалистские договоры-заговоры. Мы свергли *свою* буржуазию. Мы дали свободу угнетавшимся *нами* народам. Мы дали землю народу и рабочий контроль. Мы — за защиту Советской социалистической республики России»⁹⁴.

В полном соответствии с этими выводами Ленин называл преступлением втягивание страны в военную схватку с «бесконечно более сильным и готовым неприятелем, когда заведомо не имеешь армии», и требовал **ответственного** отношения к обороноспособности страны. «Мы объявляем беспощадную войну революционной фразе о революционной войне, — заявлял он. — К ней надо готовиться длительно, серьезно, начиная с экономического подъема страны, с налаживания железных дорог (ибо без них современная война есть пустейшая фраза), с восстановления всюду и везде строжайшей революционной дисциплины и самодисциплины»⁹⁵.

Выступая 7 марта 1918 года на втором заседании VII съезда большевистской партии, Ленин постарался еще раз объяснить свою новую позицию. «Революция придет не так скоро, как мы ожидали. Это история доказала, это надо уметь взять как факт, надо уметь считаться с тем, что мировая социалистическая революция в передовых странах не может так легко начаться, как началась революция в России»⁹⁶. Ленин не отказывался от идеи мировой революции, но призывал реалистично взглянуть на ее перспективу: «Да, мы увидим международную мировую революцию, но

⁹⁴ Ленин В.И. Тяжелый, но необходимый урок // Полное собрание сочинений. Издание пятое (далее: ПСС). М., 1974. Т. 35. Октябрь 1917 — март 1918. С. 395.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Седьмой Экстренный съезд РКП (б). Март 1918 года. Стенографический отчет. М., 1962. С. 16.

пока это очень хорошая сказка, очень красивая сказка, — я вполне понимаю, что детям свойственно любить красивые сказки. Но я спрашиваю: серьезному революционеру свойственно ли верить сказкам?»⁹⁷.

12 марта 1918 года в «Известиях ВЦИК» была напечатана статья Ленина «Главная задача наших дней», в которой свою патриотическую позицию он выразил еще более отчетливо. «Наша непреклонная решимость, — объявил председатель советского правительства, — добиться во что бы то ни стало того, чтобы Русь перестала быть убогой и бессильной, чтобы она стала в полном смысле слова могучей и обильной. Она может стать таковой, ибо у нас все же достаточно осталось простора и природных богатств, чтобы снабдить всех и каждого если не обильным, то достаточным количеством средств к жизни. У нас есть материал и в природных богатствах, и в запасе человеческих сил, и в прекрасном размахе, который дала народному творчеству великая революция, — чтобы создать **действительно могучую и обильную Русь**»⁹⁸ (выделено мною. — В.Т.).

Выступления сторонников и противников мирного договора России с Германией на VII съезде РКП (б), в газетах и на совещаниях партийных группировок показывают, что борьба между ними являлась в сущности своей противостоянием по вопросу сохранить ли возникшее советское государство, а значит и Россию как независимую страну, или принести Россию в жертву интересам мировой революции. Добиваясь разрыва мирного договора с Германией, демонстрируя готовность пойти для достижения этой цели на самые решительные меры, Бухарин по сути предавал свою страну. Для судебного процесса, проходившего над ним спустя два десятилетия эта измена юридического значения не имела. Тем не менее проявленная Бухариным в марте 1918 года готовность пойти на свержение советского правительства с целью разрыва Брестского мирного договора России с Германией была во время данного процесса внимательно рассмотрена.

Прокурор СССР Вышинский уделил данному эпизоду шестую часть своей обвинительной речи⁹⁹. Хотя Бухарин на допросе в зале суда

⁹⁷ Там же. С. 18.

⁹⁸ Ленин В.И. Главная задача наших дней // Ленин В.И. ПСС. Т. 36. Март — июль 1918. М., 1969. С. 79–80.

⁹⁹ В опубликованной стенографической записи обвинительной речи Вышинского, произнесенной на утреннем заседании Военной Коллегии Верховного суда 11 марта 1938 г., эпизод борьбы Бухарина против Ленина по вопросу мирного договора России с

признался в намерении всего лишь арестовать Ленина вместе со Сталиным и Свердловым и применить по отношению к ним насильственные способы в зависимости от обстоятельств¹⁰⁰, Вышинский сделал из этого признания вывод о том, что свержение советского правительства в тех условиях вполне могло повлечь за собой убийство Ленина и других руководителей. «Борьба была в самой острой форме, — подчеркнул прокурор СССР, — и поскольку не было — если встать на точку зрения Бухарина, как он говорил — разговора об убийстве, то ведь сам факт, сама задача свержения правительства, сама необходимость ареста руководителей того правительства, которое поставили своей целью заговорщики свергнуть, — совершенно естественно говорит, что от убийства руководителей, предполагавшегося убийства, они отрекаться и зарекаться никак не могли. Вся логика событий, весь смысл этой борьбы, вся ожесточенность той атмосферы, в которой эта борьба шла, вся острота самого вопроса — быть ли Брестскому миру, то есть быть ли Советской стране, стране, строящей социалистическое общество, или не быть Брестскому миру, не быть Советской земле, которую, как “формальную”, они предполагали отдать на разгромление врагу, — все это со всей серьезностью говорило о том, что дело идет о настоящей борьбе, которая всегда в таких случаях связана с неизбежностью применения и такой меры, результатом которой является смерть, убийство»¹⁰¹.

Опираясь на этот вывод, Вышинский подчеркнул важность эпизода, касавшегося Брестского мира с Германией, для судебного процесса по делу Бухарина: «Для меня не с точки зрения криминологии, ибо сейчас, через 20 лет после того, как совершилось это преступление, мы не предъявляем Бухарину самостоятельного обвинения, — это имеет значение для того, чтобы оценить ту связь, которая существует между заговорщической деятельностью убийцы и контрреволюционера Бухарина и его сообщников, с тем, что они делали впоследствии. Все это имеет значение для того, чтобы показать, что Бухарин и сейчас по вопросу, имеющему исторический интерес и значение, не в состоянии, не хочет признать все

Германией занимает 10 с половиной страниц из общего объема в 64 с половиной страницы. См.: Судебный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского блока»... Полный текст стенографического отчета. С. 562, 568–577.

¹⁰⁰ Там же. С. 399.

¹⁰¹ Там же. С. 575–576.

преступления, которые он совершил в действительности против Советской страны, против Советской власти и против советского народа»¹⁰².

* * *

Завершив на вечернем заседании 7 марта 1938 года рассмотрение участия Бухарина в борьбе против Ленина по вопросу Брестского мира с Германией, Военная коллегия Верховного суда СССР на следующий день начала слушание допросов подсудимых, обвинявшихся в умерщвлении А.М. Горького, его сына М.А. Пешкова, члена Политбюро ЦК ВКП (б) В.В. Куйбышева и председателя ОГПУ В.Р. Менжинского.

В обвинительном заключении утверждалось, что согласно материалам предварительного расследования по настоящему делу, «А.М. Горький, В.Р. Менжинский и В.В. Куйбышев пали жертвами террористических актов, осуществленных по заданию объединенного центра «право-троцкистского блока»¹⁰³. Выполнение этого задания было возложено на Г.Г. Ягоду, который в свою очередь поручил непосредственно исполнить этот злодейский замысел домашнему врачу А.М. Горького Л.Г. Левину.

На допросе в зале суда Левин подтвердил данное обвинение, сообщив, что привлек к выполнению поручения Ягоды лечащего врача Менжинского И.Н. Казакова и секретаря писателя Горького П.П. Крючкова. «В результате наших совместных вредительских действий, — сказал Левин, — Менжинский умер 10 мая 1934 года, а на следующий день Максим Алексеевич Пешков»¹⁰⁴.

Из показаний Левина следовало, что Ягода давал ему поручение организовать умерщвление не только Менжинского и Пешкова, но также Валериана Владимировича Куйбышева и Алексея Максимовича Горького. Для исполнения этого преступного замысла Левин, с согласия Ягоды, привлек себе в помощь известного врача профессора Д.Д. Плетнева. «Не желая применять остродействующих отравляющих веществ, мы действовали неправильным лечением»¹⁰⁵, — сообщил Левин и дал весьма подробные показания о том, как такое лечение осуществлялось на практике. После этого он решил открыть суду, почему согласился пойти на такое преступление: «Я говорю это не в оправдание, а в объяснение, Я —

¹⁰² Там же. С. 575.

¹⁰³ Там же. С. 26.

¹⁰⁴ Там же. С. 469.

¹⁰⁵ Там же. С. 472.

человек, далекий от политики, беспартийный человек. Я неправильно, может быть, был ослеплен властью представителя ОГПУ, мне казалось, что это — всемогущий человек, в руках которого сосредоточена огромная власть, и если этот человек говорит, что я должен это сделать, то я на это пошел. Психологически я объясняю это какой-то трусостью, причем не за свою жизнь, это я говорю со всей искренностью. Меня больше страшило то, что он пригрозил разгромить мою семью. А семья моя — хорошая, трудовая, советская семья»¹⁰⁶.

Допрашивая подсудимых, обвиненных в умерщвлении Менжинского, Куйбышева, Горького и его сына Максима Пешкова, Вышинский старался получить от них показания, позволявшие связать эти смерти с действиями Троцкого и вождей правой оппозиции. И подсудимые давали такие показания. Доктор Левин рассказал, например, о том, как Ягода убеждал его решиться на умерщвление Горького. По словам обвиняемого, бывший глава НКВД СССР говорил: «В партии крепнет, растет большое недовольство партийным руководством, смена власти неизбежна, предрешена и неминуема.., во главе движения стоят Рыков, Бухарин и Енукидзе. И так как это неизбежно, так как это все равно произойдет, то чем скорее это произойдет, тем лучше. А для того, чтобы это скорее произошло, для того, чтобы облегчить этот процесс, нам нужно устранить с политической арены некоторых членов Политбюро, а также Алексея Максимовича Горького. Это — историческая необходимость»¹⁰⁷. Услышав данное предложение, Левин разволновался. Успокаивая доктора, Ягода продолжал настаивать: «Вы напрасно так волнуетесь, вы поймите, что это неизбежно, что это есть момент исторический, это есть историческая необходимость, это есть этап революции, через который мы должны пройти и вы вместе с нами его пройдете и будете его свидетелем, и вы должны теми средствами, которые в ваших руках, нам помочь, и вы, чем волноваться, скажите, кого вы можете взять на себя, кроме Алексея Максимовича Горького»¹⁰⁸.

Когда же через несколько дней после этой встречи Левин снова пришел в кабинет к Ягоде и сказал, что вынужден выполнить задание и умертвить Горького, Ягода объяснил ему, почему это необходимо было сделать: «Алексей Максимович — человек очень близкий к высшему партийному

¹⁰⁶ Там же. С. 482.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Там же. С. 470.

руководству, человек очень преданный той политике, которая ведется сейчас в стране, очень преданный лично Иосифу Виссарионовичу Сталину, человек, который никогда не изменит, никогда не пойдет с нами по пути. А вы знаете, с другой стороны, каким авторитетом пользуется слово Горького у нас в стране и далеко за ее пределами, каким влиянием он пользуется и как много вреда он может сделать своим словом нашему движению. Нужно вам решиться на это, — сказал он, — и вы пожнете плоды при приходе новой власти»¹⁰⁹.

Допрос Л.Г. Левина занял все утреннее заседание суда 8 марта 1938 года. Опубликованная стенографическая запись этого допроса заняла 34 страницы¹¹⁰. Ее машинописный вариант показывает, что Сталин внимательно прочитал весь текст и, прежде чем отдать в печать, внес в него своим карандашом красного цвета правку — исключительно редакционную, а также дал указание восстановить целый ряд фраз, которые были зачеркнуты прежним редактором.

Столь большое внимание к показаниям Левина вполне объяснимо: он был ключевой фигурой в схеме преступлений, вменявшихся право-троцкистскому блоку пятым пунктом формулы обвинения¹¹¹. В обвинительной речи, произнесенной после допросов подсудимых, Вышинский заявил, что «Левин был главным организатором задуманных Ягодой убийств, им привлечены к этому делу были и Казаков и Плетнев»¹¹². Ягода же в своих показаниях подчеркивал, что действовал не по своей инициативе, а выполняя поручение право-троцкистского центра, что именно данный центр «принял решение приступить к ряду террористических актов над членами Политбюро и, кроме того, персонально над Максимом Горьким»¹¹³. Согласно показаниям Ягоды, поручение совершить террористический акт над Горьким давал ему Енукидзе. «Енукидзе мне объяснил, — говорил в зале суда бывший нарком внутренних дел, — что “право-троцкистский блок”, имея в виду, как ближайшую перспективу, свержение Советской власти, видит в лице Горького опасную фигуру.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Там же. С. 454–487.

¹¹¹ Данный пункт гласил: ««Право-троцкистский блок» организовал ряд террористических актов против руководителей ВКП(б) и Советского правительства и осуществил террористические акты против С. М. Кирова, В. Р. Менжинского, В. В. Куйбышева, А. М. Горького» (там же. С. 36).

¹¹² Там же. С. 608.

¹¹³ Там же. С. 507.

Горький — непоколебимый сторонник сталинского руководства и несомненно, в случае реализации заговора, поднимет голос протеста против нас, заговорщиков. Учитывая огромный авторитет Горького внутри и вне страны, центр, по словам Енукидзе, принял категорическое решение о физическом устранении Горького»¹¹⁴.

Отвечая во время допроса Левина на вопросы Вышинского, Ягода признал, что давал Левину поручение об умерщвлении только Алексея Максимовича Горького и Куйбышева, но не Менжинского и Максима Пешкова¹¹⁵. Вышинский привел показания Ягоды на предварительном следствии, в которых тот признавался, что поручал доктору Левину убрать их всех. «Вы это показывали, обвиняемый Ягода?», — спросил он. «Я показывал, но это неверно», — пояснил Ягода. «Почему вы это показывали, если это неверно», — снова поинтересовался Вышинский. «Не знаю почему»¹¹⁶, — ответил Ягода.

На допросе во время предварительного следствия 28 декабря 1937 года бывший нарком внутренних дел, признаваясь в том, что «вынашивал в себе преступную мысль физического уничтожения сына Горького — Максима Алексеевича Пешкова», говорил следователям Когану и Лернеру: «Тот человек мне мешал. Причины здесь глубоко личные и низменные, никаких политических целей тут не было, но факт остается фактом: я решил его убрать»¹¹⁷.

Исключительно личными мотивами Ягода объяснял следователям и свое намерение убить Менжинского: «Известно, что последние годы Менжинский больше болел, чем работал. Руководил работой я. Было ясно, что с его смертью председателем ОГПУ буду я. С этой мыслью я свыкся и ждал смерти Менжинского. А он не умирал»¹¹⁸.

¹¹⁴ Там же. С. 507.

¹¹⁵ Там же. С. 465.

¹¹⁶ Там же. С. 467.

¹¹⁷ Протокол допроса Ягоды Генриха Григорьевича от 28 декабря 1937 года // Генрих Ягода, Нарком внутренних дел СССР, Генеральный комиссар государственной безопасности. Сборник документов. Казань, 1997. С. 203.

¹¹⁸ Там же. С. 209. Эту версию подтвердил на допросе в зале суда секретарь бывшего наркома внутренних дел П.П. Буланов, сообщивший, что объясняя умерщвление Менжинского, Ягода говорил о мотивах «личного порядка». На просьбу Вышинского пояснить, что имеется в виду, Буланов ответил: «О личных мотивах человека, который хочет всеми средствами, всеми путями сделать себе карьеру, то есть ускорить освобождение поста, сделать пост председателя ОГПУ вакантным, считая, очевидно, что при этом положении он, Ягода, — единственная кандидатура на пост председателя»

На утреннем заседании суда 8 марта 1938 года Ягода, отказавшись во время допроса Левина признать, что давал ему поручение убить Менжинского и Пешкова, во время своего допроса на вечернем судебном заседании того же дня вдруг изменил свои показания. Он признал, что действительно поручал Левину умертвить председателя ОГПУ и сына Горького а самое главное — объяснил свой поступок принципиально иной причиной. «Я отрицаю, — заявил он, — что в деле умерщвления Менжинского мною руководили личные соображения. На пост руководителя ОГПУ я претендовал не по личным соображениям, не из карьеристских соображений, а в интересах нашей заговорщической организации. Решение центра по этому вопросу мне было передано лично Енукидзе. В обоих этих случаях были использованы врачи, что создавало полную гарантию в смысле невозможности разоблачения»¹¹⁹.

Данный факт свидетельствует, что показания обвиняемых корректировались, и весьма существенно не только на предварительном следствии, но и в зале суда, причем в течение одного дня. Вышинский старался, чтобы показания подсудимых во время судебного процесса полностью соответствовали формуле выдвинутого против них обвинения, и если то, что они говорили на предварительном следствии, не укладывалось в эту формулу, их заставляли дать другие показания.

На предварительном следствии Ягода утверждал, что именно он был инициатором убийств посредством «смерти от болезни». «Как это понимать», — спросил его следователь. «Очень просто, — ответил Ягода, — человек естественно заболевает. Некоторое время болеет. Окружающие привыкают к тому, что больной (что тоже естественно) или умирает, или выздоравливает. Врач, лечащий больного, может способствовать выздоровлению, но он может способствовать и смерти больного. Таково главное содержание идеи "смерть от болезни". Ну, а все остальное — дело техническое. Пришел я к этому выводу в конце 1932 года и сразу же начал действовать»¹²⁰.

(Судебный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского блока»... Полный текст стенографического отчета. С. 497–498).

¹¹⁹ Судебный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского блока»... Полный текст стенографического отчета. С. 506.

¹²⁰ Протокол допроса Ягоды Генриха Григорьевича от 28 декабря 1937 года. С. 204.

На допросе в зале суда защитник И.Д. Брауде спросил Ягоду: «Кому принадлежит сама идея смерти от болезни?». «Я сказал — Енукидзе»¹²¹, — ответил Ягода. Формула обвинения представляла бывшего наркома внутренних дел всего лишь исполнителем директив руководителей право-троцкистского блока, которым и надлежало быть изобретателями способов умерщвления своих противников.

В обвинительной речи Вышинский назвал разбирательство в суде обстоятельств, связанных с убийствами С.М. Кирова, В.Р. Менжинского, В.В. Куйбышева, А.М. Горького и М.А. Пешкова одним из «наиболее мрачных и наиболее тяжелых моментов процесса»¹²². Можно предположить, что тяжелым для прокурора СССР этот эпизод судебного разбирательства являлся не только потому, что был связан с уходом этих людей из жизни, но и от того, что ему, признанному специалисту в области судебных доказательств, не удалось дать мало-мальски убедительное с юридической точки зрения обоснование выдвинутых против подсудимых обвинений. Причем наименее убедительными были в данном случае доказательства обвинений, выдвинутых против главных подсудимых процесса — Бухарина и Рыкова.

«Сейчас в точности установлено, — декларировал в своей обвинительной речи Вышинский, — что убийство товарища Кирова было совершено при ближайшем участии Ягоды. Я считаю доказанным, — добавил прокурор СССР, — и то, что убийство было совершено при ближайшем участии Рыкова и Бухарина»¹²³. Но какие имелись основания для столь категоричного вывода? Оказывается никаких, кроме чисто умозрительных рассуждений. Однако именно эти рассуждения Вышинский представил в своей обвинительной речи как доказательство участия вождей правой оппозиции в убийстве Кирова. «Если представить, что Рыков и Бухарин в этом убийстве не участвовали, — сказал он, — то надо признать, что два основных руководителя “право-троцкистского блока”, принявшего решение об убийстве Кирова, почему-то стояли в стороне от этого злодейского акта. Почему? Люди, которые организовывали шпионаж, организовывали повстанческое движение, террористические акты и, по их собственным признаниям, получили установку от Троцкого на террор, в

¹²¹ Судебный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского блока»... Полный текст стенографического отчета. С. 510.

¹²² Там же. С. 596.

¹²³ Там же. С. 598.

1934 году вдруг стояли в стороне от убийства одного из крупнейших сподвижников Сталина, одного из крупнейших руководителей партии и правительства»¹²⁴.

«Бухарин и Рыков знали об этом!» — заявил Вышинский. Он был уверен, что «об этом крупнейшем террористическом акте **не могли не знать** такие крупные главари этого “право-троцкистского блока”, какими являлись Рыков и Бухарин. Если бы они не знали об этом, это было бы противоестественно, это лишено всякой логики»¹²⁵ (выделено мною. — В.Т.). Как видим, вывод об участии Бухарина и Рыкова в организации убийства Кирова Вышинский пытался обосновать всего лишь предположением, вытекающим из весьма сомнительного логического заключения — *знали потому не могли не знать!*

Подобным образом Вышинский «доказал» и выдвинутое против Бухарина и Рыкова обвинение в том, что они знали о подготовке умерщвления Горького и участвовали в организации данного преступления. Прокурор СССР утверждал это «без колебаний и твердо». На каком основании? «Я не хочу оперировать никакими другими показаниями, и в частности, показаниями Ягоды¹²⁶, — сказал Вышинский, — я буду оперировать: 1) показаниями самих Рыкова и Бухарина и 2) тем, что я называю логикой вещей»¹²⁷.

Показания Бухарина, которые в данном случае имел в виду Вышинский, были даны в зале суда во время допроса Ягоды. Бывший нарком внутренних дел сообщил, что во время разговора Бухарина и Рыкова с Енукидзе зашла речь об умерщвлении Горького, но Бухарин твердо ответил, что не принимал в этом никакого участия. Тогда прокурор СССР обратился к Бухарину: «Я хочу вас спросить, какое было отношение Алексея Максимовича к Троцкому?» «Резко отрицательное», — сказал Бухарин. «А вам известно, какое отношение было у Троцкого к Алексею Максимовичу?» «Тоже самое, резко отрицательное», — ответил Бухарин.

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ Там же.

¹²⁶ Ягода сообщал в своих показаниях на суде, что «со слов Енукидзе» он знал о том, что Бухарин и Рыков принимали участие в обсуждении вопроса об умерщвлении Горького. Бухарин возражал: «Я не принимал никакого участия» (Там же. С. 511–512). Два противоположных свидетельства взаимно уничтожали друг друга. Вероятно, именно поэтому Вышинский отказался использовать показания Ягоды для обоснования обвинения Бухарина в организации убийства Горького.

¹²⁷ Там же. С. 602.

После этого Вышинский попросил Бессонова повторить то, что он говорил об отношении Троцкого к Горькому во время предварительного следствия. Бессонов сообщил, что отношение Троцкого к Алексею Максимовичу Горькому было резко отрицательным, причем настолько, что однажды Троцкий заявил о необходимости физически уничтожить Горького. Бухарин подтвердил эту информацию и вспомнил, что в 1935 году Томский сказал ему, что «Троцкий готовит какую-то враждебную акцию или враждебный акт против Горького»¹²⁸.

Показания Рыкова, которыми решил руководствоваться Вышинский, касались его разговора с Енукидзе, состоявшегося в 1935 году. Во время беседы, как сообщал на допросе в зале суда сам Рыков, шла речь об особом озлоблении, которое испытывала по отношению к Горькому троцкистско-зиновьевская часть «право-троцкистского блока», а также о том, что это озлобление было готово вылиться в «подготовку насильственных мер, направленных к ликвидации политической активности Горького»¹²⁹. Вышинский сделал из этого факта вывод о том, что под насильственными мерами, направленными на изоляцию Горького, подразумевалось убийство пролетарского писателя и больше ничего.

Дальнейшая обвинительная речь прокурора СССР представляла собой набор выводов, которые не были основаны на фактах и не опирались на логику: «Об этих насильственных мерах Рыков и Бухарин знали. Они знали, что готовится убийство Горького, организовывали это убийство, покрывали это убийство. Рыков и Бухарин были, таким образом, участниками этого подлейшего убийства А.М. Горького»¹³⁰. Вряд ли Вышинский не понимал, что эта цепь заключений была чисто умозрительной, бездоказательной, а значит юридически ничтожной. Впрочем, у прокурора не было никакой необходимости заботиться о юридической обоснованности и логической стройности обвинений. Подсудимые принимали их как удары судьбы и не пытались как-то оспорить или просто подвергнуть сомнению.

Менжинский, Куйбышев, Пешков, Горький носили внутри себя множество заболеваний, от которых каждый из них мог умереть в любой момент. Поэтому главный вопрос, который в данном случае необходимо

¹²⁸ Там же. 512–513, 604.

¹²⁹ Там же. С. 603–604.

¹³⁰ Там же. С. 604.

было задать, но ни государственный обвинитель, ни подсудимые, ни их защитники, ни судьи так и не задали его — это вопрос о том, *была ли вообще их смерть умерщвлением?*

Медицинское заключение, опубликованное в газете «Правда» 19 июня 1936 года, на следующий день после кончины Горького, за подписями наркома здравоохранения РСФСР Г. Каминского и целой группы авторитетных врачей, в том числе и представших перед судом Д.Д. Плетнева и Л.Г. Левина, не давало никаких поводов для мыслей о том, что писатель был умерщвлен¹³¹. Но никто из подсудимых не посмел напомнить суду о существовании такого документа.

Подписавший его профессор Д.Д. Плетнев на допросе в зале суда как врач, знавший о болезнях Горького, сообщал: «Горький был очень слаб здоровьем, что было известно тогда всем врачам. Это на вскрытии было подтверждено, что Горький жил с одной третью легких, следовательно, физическое переутомление, какая-нибудь инфекция — это могло оказаться роковым»¹³². Казалось бы, на эти сведения вполне можно было опереться для отвода обвинений в умерщвлении Горького. Но Плетнев привел их только для того, чтобы показать, что при таком состоянии здоровья пациента для его убийства не было никакой необходимости прибегать к ядам, поэтому «никаких посторонних ядов не вводилось, а был проведен режим, который был вреден для Горького»¹³³.

При таком поведении подсудимых государственный обвинитель мог не беспокоиться не только о юридической доказанности, но и хоть какой-то обоснованности обвинений. Подсудимые сами рассказывали своим судьям, в чем они были виноваты, и объясняли, почему они заслуживают суровой кары. Самое удивительное, что это был не театральная спектакль.

¹³¹ В этом документе говорилось: «Тяжелая инфекция, как об этом свидетельствовали повторные исследования крови, на почве хронического поражения сердца и сосудов и в особенности легких, в связи со старым (сорокалетней давности) туберкулезным процессом (каверны, расширение бронхов, эмфизема, астма, склероз легких) обусловили с первых же дней очень тяжелое течение болезни» (Правда. 1936. № 167 (6773). 19 июня. С. 1). Об опасности болезней, которыми был болен писатель Максим Горький, например, см.: *Дворецкий Л.И. О болезни и смерти А.М. Горького // Туберкулез и болезни легких. 2019. Том 97. № 3. С. 54–62. Материал, приведенный в данной статье, извлечен из его истории болезни и медицинских заключений.*

¹³² Правда. 1936. № 167 (6773). 19 июня. С. 1.

¹³³ Судебный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского блока»... Полный текст стенографического отчета. С. 521.